

Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Институт «Открытое общество»

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*Отв. редакторы:
доктор исторических наук А.Г. Володин,
доктор философских наук В.Н. Коновалов*

Ростов-на-Дону
Москва
2002

ББК 74.58
Н-19

Учебное пособие «Международная безопасность и проблемы терроризма» издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках мегапроекта «Развитие образования в России» (Поддержка и развитие кафедры политологии Ростовского государственного университета в сотрудничестве с кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ)

Редакционная коллегия:

А.Г. Володин, В.Н. Коновалов, А.В. Лубский

Авторский коллектив:

*В.Н. Коновалов, И.В. Кудряшова,
С.П. Поцелуев, С.М. Хенкин, И.П. Чернобровкин*

В–19 Международная безопасность и проблемы терроризма. Учебное пособие / Отв. ред.: А.Г. Володин, В.Н. Коновалов – Ростов н/Д; М.: Изд-во СКНЦ ВШ, – 2002. 144 с.

Учебное пособие посвящено актуальным проблемам терроризма, международной и национальной безопасности. На большом фактическом материале, используя современные политические теории, авторы показывают сущность, типы и формы современного терроризма, в том числе в Южной Европе, на Ближнем Востоке и Юге России

Предназначено для студентов вузов, обучающихся по специальности «Политология»

**Д – 01 (03) – 2002. без объяв.
ISBN 5-87872-144-9**

Печатается в авторской редакции.

**© ВОЛОДИН А.Г., КОНОВАЛОВ В.Н.,
2002 ПРЕДИСЛОВИЕ**

В настоящее время терроризм, являясь важным фактором дестабилизации в современном мире, становится одной из глобальных угроз существованию человечества. В целях обеспечения международной безопасности возникла необходимость, используя национальный опыт, объединения усилий всего мирового сообщества в борьбе с этой угрозой, принятия безотлагательных мер по ее нейтрализации, создания единых организационных структур противодействия международному терроризму.

Сегодня во многих регионах мира резко обострились проблемы терроризма, принявшего транснациональный характер. Трагические события последних лет показали, насколько уязвимым оказывается население той или иной страны перед лицом терроризма.

Терроризм в настоящее время – одна из серьезных угроз как международной, так и национальной безопасности. Задачи повышения эффективности борьбы с терроризмом в рамках международного сотрудничества, предполагают внесение существенных корректив в концепции национальной безопасности современных государств, в том числе и Российской Федерации.

Понятие национальной безопасности появилось после Второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки, где группе ученых было поручено разработать «Концепцию национальной безопасности». Тогда же был принят закон о национальной безопасности и введена государственная должность помощника президента по национальной безопасности.

В январе 2000 г. в России Указом Президента Российской Федерации была утверждена новая редакция Концепции национальной безопасности, принятой в декабре 1997 г. Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в России. Концепция национальной безопасности Российской Федерации представляет собой систему взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и от терроризма.

Эффективность борьбы с терроризмом как одной из угроз национальной безопасности во многом зависит от понимания как его исторических корней в том или ином регионе, так и его природы в современном мире. Это важно, ибо насилие и его спутник – терроризм, как полагают некоторые аналитики, на протяжении столетий взращивались самим человеческим сообществом и ныне превратились в атрибут современного общества.

Терроризм – это явление не только национальное и глобальное, но и индивидуальное и социальное. Глобализация резко обострила проблему своеобразия локальных идеалов и реальных образов жизни, проблему смысла и целесообразности существования той или иной цивилизации, того или иного народа в глобальном историческом процессе. В современном обществе по одним и тем же жизненным вопросам существуют не только не совпадающие друг с другом, а порой диаметрально противоположные мнения, выражающие те или иные культурные традиции и подходы к разрешению возникающих социальных, конфессиональных и политических проблем. Ситуация в этой сфере сегодня еще более обостряется в связи с массовой миграцией населения, которая усиливает конфликтность взглядов, ценностей и идеалов.

Современный терроризм многолик и многообразен. Что представляет собой сегодня терроризм: форму «столкновения несовместимых принципов и идеалов, свойственных разным цивилизациям и народам», как считают некоторые ученые, или терроризм является «следствием тотального насилия и несвободы в современном мире», как полагают другие? На эти и другие вопросы попытались дать ответы преподаватели Ростовского государственного университета и Московского государственного института международных отношений, подготовившие одно из первых учебных пособий в России по проблемам терроризма, международной и национальной безопасности.

В учебном пособии глава 1 («Безопасность: национальный и региональный аспекты») написана доктором философских наук, профессором В.Н. Коноваловым (РГУ) с использованием материалов, подготовленных доктором политических наук, профессором Л.Л. Хоперской (СКАГС); глава 2 («Суц-

ность терроризма») – кандидатом исторических наук, доцентом И.В. Кудряшовой (МГИМО); глава 3 «Типология терроризма (на примере Южной Европы)») – доктором исторических наук, профессором С.М. Хенкиным (МГИМО); глава 4 («Истоки ближневосточного терроризма») – кандидатом исторических наук, доцентом И.В. Кудряшовой (МГИМО); глава 5 («Этнонационалистический терроризм») – кандидатом философских наук, доцентом С.П. Поцелуевым (РГУ); глава 6 («Терроризм на Юге России: этнонациональный аспект») – кандидатом философских наук, доцентом И.П. Чернобровкиным (РГУ).

*А.В. Лубский,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры социологии,
политологии и права
ИППК при РГУ*

ГЛАВА 1. БЕЗОПАСНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Современное понятие безопасности. Национальный интерес и национальная безопасность. Внешнеполитические аспекты национальной и региональной безопасности. Внутренние аспекты региональной безопасности. Литература.

Современное понятие безопасности

На протяжении столетий понятие безопасности неоднократно наполнялось разным содержанием и соответственно пониманием его смысла. Несмотря на обилие толкования понятия безопасности, уже страдающего от так называемой инфляции идей, политическое понимание смысла безопасности фокусируется на состоянии взаимоотношений между индивидами и государством или обществом. Здесь присутствует два класса субъектов безопасности: индивиды и государст-

во/общество. Формально они находятся в положении союзников. Однако историческая реальность свидетельствует о разном политическом весе составляющих этот союз. Различные концепции безопасности по-разному понимают разделение и цели, преследуемые субъектами. Прежде всего, это концепции национальной и общей безопасности.

Концепции национальной безопасности сегодня достаточно распространены и взяты на вооружение практически всеми государствами в современном мире. Любая концепция национальной безопасности направлена в первую и последнюю очередь на реализацию интересов государства, даже если в их преамбулах говорится о национальных интересах как совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Концепция национальной безопасности признает в качестве ведущего игрока на сцене безопасности государство. Существует большая традиция в понимании роли государства как попечителя своих граждан, единственного и равного партнера во взаимоотношениях с другими государствами. Так, по мнению К.Шмитта, видного политолога XX столетия, который по-своему интерпретировал Гоббса, «только государство, его суверенитет, его мощная машина может обеспечить внутренний мир и безопасность, предложив своим гражданам защиту в обмен на повиновение».

Концепция национальной безопасности несет в себе родовые свойства *права государства* и легитимизирует национальное государство в классическом его понимании (эпохи Просвещения). На самом деле концепция национальной безопасности отражает один из исторически известных подходов к безопасности.

Последние два десятилетия XX столетия утверждается концепция общей безопасности. Начало теоретических споров по общей безопасности было заложено статьей американского профессора Ричарда Ульмана из Принстонского университета «Заново определяя понятие безопасности» (1983г.).

Угрозу национальной безопасности представляют действия, которые чреватые, во-первых, резким снижением качества жизни населения определенного государства за относительно короткий промежуток времени, либо, во-вторых, угрожают

значительно сузить круг политических альтернатив, находящихся в распоряжении правительств страны или частных неправительственных организаций внутри государства.

В этом же году была опубликована другая работа английского ученого Бэрри Бузана под названием «Народ, государство и страх». В качестве наименее возможной единицей или точкой отсчета для понятия *безопасности* рассматривается *личность*. Эти идеи легли в основу нового (его еще называют поствестфальским¹) подхода к изучению проблем безопасности, который получил известность как «безопасность человека». Этот термин получил прописку в политическом словаре благодаря «отчету в развитии человечества», подготовленному в 1994 году Программой развития ООН, а также в Хартии европейской безопасности, принятой на саммите ОБСЕ в Стамбуле 19 ноября 1999 года.

Концепция общей безопасности включает в себя представления о минимально достаточной безопасности. Последние предполагают физическую безопасность в широком смысле слова: сохранность жизни, здоровья, защищенность от природных и особенно социальных воздействий, таких как политическое насилие, угрожающее жизни и здоровью. К физической безопасности примыкают и другие аспекты – экономический, социальный, этнокультурный и безопасность достоинства.

Новые представления о безопасности являются аксиологическими, поскольку наполнены моральной составляющей.

Сегодня мы наблюдаем усиливающееся противоречие между принципами Устава ООН, основанных на государственном суверенитете и государственно-центристской модели (Вестфальской) международной жизни и принципа защиты прав этнического и религиозного меньшинства, закрепленного во Всеобщей Декларации прав человека.

Вооруженный конфликт на Балканах (1999 г.) показал со всей очевидностью, что данная коллизия разрешается в пользу защиты прав человека в странах, нарушивших их, без со-

---

¹ Поскольку он порывает с представлениями о территории национального государства как о всегда и везде приоритетном объекте безопасности.

блюдения суверенитета этих стран над собственной территорией.

Такая ситуация устраивает далеко не всех участников международных отношений. Различные обвинения со стороны ряда полупериферийных и периферийных стран в том, что значение, придаваемое концепцией общей безопасности по обеспечению политических прав, обусловлено европоцентризмом, «иудейско-христианскими корнями» европейской и североамериканской культур, которые неприемлемы для народов других культур и цивилизаций.

Конечно, концепция общей безопасности возникла в развитых странах, которые вступили в постиндустриальную, постмодернизационную эпоху. Нормативным и движущим принципом стран постиндустриального центра является *безопасность*.

Интересную трактовку этой проблемы мы найдем в книге У.Бека «Общество риска. На пути к другому модерну». По его мнению, мы продолжаем жить в условиях Модерна, однако в его новой форме. Предшествующая «классическая» стадия Модерна ассоциировалась с индустриальным обществом, а зарождающаяся Новая Современность связаны прежде всего с обществом риска. Мы *еще* не живем в обществе риска, но *уже* ушли из индустриального общества, распределяющего блага. Как пишет У.Бек, «социальные позиции и конфликты общества «распределяющего» богатства, рано или поздно в процессе непрерывной модернизации начинают пересекаться с позициями и конфликтами общества, «распределяющего» риски».

Главным вопросом индустриального общества является вопрос о богатстве и его распределении, в современном обществе – проблемы предотвращения или, в крайнем случае, минимизация риска. Для классического Модерна характерным было решение проблем равенства, для сегодняшнего – *безопасности*.

Европоцентристское понимание безопасности проникнуто высокой оценкой безопасности личности, являющейся одной из главнейших культурных ценностей, а общество, соответствующее наивысшему уровню ее фактического обеспечения, получило название «общества безопасности».

У.Бек пишет: «История распределения рисков показывает, что риски, как и богатство, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски в нижних... Те. Кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут *купить* себе безопасность и свободу от риска». Такое же распределение риска касается и стран. Богатые страны могут позволить купить себе безопасность, бедные страны, находящиеся внизу, аккумулируют риски в гораздо большей степени.

Касаются ли эти метаморфозы российской безопасности? Если мы вынесем Россию за скобки постиндустриального центра, то мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Мы пока пребываем в индустриальном обществе, т.е. на стадии модерна, не выходящего за пределы его классической версии.

Национальный интерес и национальная безопасность

В российском обществе понятие безопасности локализуется в понятии национальной или государственной безопасности. Концепция национальной безопасности есть не что иное как концепция национальных интересов.

Национальные интересы – это осознанные потребности государства, определяемые экономическими и геополитическими отношениями данного государства в данную эпоху, культурно-историческими традициями, необходимостью обеспечения безопасности, защитой населения от внешней угрозы и внутренних беспорядков, экологических катастроф и т.д.

Сам термин «национальный интерес» пришел в российскую политологию из западной англоязычной политической литературы, в которой он имеет значение «государственного интереса». Национальные интересы – понимают преимущественно как интересы государственные, поскольку западные страны представляют собой мононациональные государства (не сколько в этническом аспекте, сколько в социальном). Нация представляет двуединство гражданского общества и государства. Западные политологи не испытывают особых

затруднений в использовании такого операционального понятия как «национальные интересы». По умолчанию национальный интерес предстает как обобщающий интерес, который снимает противоречие между интересами государства и гражданского общества. Говорить сегодня о фундаментальных непримиримых различиях в основополагающих ценностях гражданского общества индустриально развитых стран не приходится. Граждане достигают рационально мотивированного взаимопонимания, т.е. взаимопонимания, свободного от чьего-либо господства. Подразумевается, что представители гражданского общества, независимой общественности оказывают влияние на государственную политику. Внутренние задачи, частные интересы граждан имеют приоритет при формировании внешнеполитического курса. Национальные интересы в такой интерпретации включают в этот курс такие параметры как приобретение ресурсов и повышение материального благосостояния населения. «Что хорошо для граждан, то хорошо для государства»- принцип подхода к национальным интересам в странах с развитым гражданским обществом.

В осмыслении национального интереса теоретический приоритет имеет школа «политического реализма», в которой интерес определяется прежде всего внешнеполитическими условиями. Исключение из концепции национального интереса внутривнутриполитических факторов «реалистами» объясняется тем, что данная группа проблем относится к сфере так называемого «общественного интереса», т.е. интереса, определяемого различными сегментами гражданского общества.

В отечественной же политологии выявляются расхождения принципиального порядка как в понимании этой категории, так и в формулировании национальных интересов.

В России, где только начинает становиться на ноги гражданское общество, где осуществляется переход от традиционалистских структур к современным, идейно-политического консенсуса по вопросу национальных интересов нет. Продолжаются поиски цивилизационной идентичности, что вызывает острую и болезненную теоретическую борьбу между западниками-либералами («атлантистами») и славянофилами-государственниками («евразийцами»). В фокусе этой

борьбы стоит вопрос: «Кто является субъектом национального интереса?» Первые считают Россию европейской страной и выделяют универсальное цивилизационное преимущество Запада. Следование руслу западноевропейской политики отвечает, по их мнению, национальным интересам. Гражданское общество – субъект, определяющий содержание национальных интересов. В гражданском обществе проводится внутренняя и внешняя либерализация хозяйственной деятельности. Высший интерес, таким образом, состоит в проведении экономической реформы, которая сделает Россию богаче и свободнее.

Другая часть политического спектра идентифицирует Россию как евразийскую страну и резко дистанцирует себя от либерального понимания национальных интересов. Для этой части национальные интересы обусловлены, в первую очередь, задачами сохранения и укрепления государственности. Именно государство обладает несомненным приоритетом при формировании внешнеполитического курса. Здесь «национальный интерес» приравнивается к «государственному». Обеспечение государственной безопасности непосредственно связывается с программой усиления государственного регулирования экономики. Высший национальный интерес для них – восстановление СССР и возрождение державного величия страны.

По отношению к окружающему внешнему миру национальные интересы выражаются в совокупности внешнеполитических интересов государства, которые различаются по своей важности для его жизнедеятельности.

Различается фиксированное (неизменное постоянное) и переменное содержание национального интереса. Неизменная часть включает задачу обеспечения внешней безопасности государства. Переменное же содержание рассматривается через призму национальных традиций, личностных качеств политических руководителей, тенденций в экономической, социальной сферах общественной жизни и т.д.

Реальные материальные и политические потребности в развитии государства могут меняться, а вместе с ними меняются соответственно интересы, цели, средства и внешнеполи-

тическая деятельность. Смена потребностей и интересов государства ведет к смене и идеологических ценностей.

Выделяют два уровня национальных интересов государства: уровень главных внешнеполитических интересов и уровень специфических интересов. Первый связан с обеспечением его безопасности и целостности как социально-экономической, политической, национально-исторической и культурной общности, с защитой экономической и политической независимости государства. Главные интересы государство обеспечивает всеми военными, экономическими, дипломатическими и идеологическими средствами.

Второй уровень охватывает отдельные, относительно частные, хотя и важные сами по себе интересы государства в сфере международных отношений.

Что касается российской Концепции национальной безопасности, то в ней национальные интересы фиксируются как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства... Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства». Далее дается разграничение интересов по субъектам.

Интересы личности- реализация конституционных прав и свобод, обеспечение личной безопасности, повышение качества жизни, физическое, духовное и интеллектуальное развитие человека и гражданина.

Интересы общества – упрочение демократии, создание правового, социального государства, достижение и поддержание общественного согласия, духовное обновление России.

Интересы государства – незыблемость конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политическая, экономическая и социальная стабильность, безусловное обеспечение законности и поддержание правопорядка, развитие равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Во внутривнутриполитической сфере национальные интересы России состоят в стабильности конституционного строя, государственной власти и ее институтов, обеспечении гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка и

завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, политического экстремизма, национального и регионального сепаратизма и *терроризма*.

В концепции национальной безопасности список угроз для существования России возглавляют внутренние угрозы. Внимание сосредоточивается на внутренних угрозах, вызванных плачевным состоянием отечественной экономики, усилившейся социальной поляризацией российского общества, обострением межнациональных отношений.

В концепции отмечается, что экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей провоцируют усиление напряженности во взаимоотношениях регионов и центра, представляя собой угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации.

Значимость внутренних угроз безопасности страны подтверждается возможностью применения военной силы внутри страны в тех случаях, когда оно допускается в строгом соответствии с конституцией, то есть в тех случаях, когда возникает угроза насильственного изменения конституционного строя, территориальной целостности страны, а также жизни и здоровью граждан.

В предыдущих официальных документах стратегического характера провозглашается недопустимость применения военной силы внутри страны.

Если в более ранней редакции 1997 г. говорилось, что главные угрозы национальной безопасности не имеют военной направленности, носят преимущественно внутренний характер, то изменившаяся международная ситуация, связанная с новой стратегией НАТО побудила снять приведенное положение. В новой редакции говорится: «Возведенный в ранг стратегической доктрины переход НАТО к практике силовых (военных) действий вне зоны ответственности блока и без санкции Совета Безопасности ООН чреват угрозой дестабилизации всей стратегической обстановки в мире».

К основным внешним угрозам отнесены слабость существующих механизмов обеспечения международной безопас-

ности (ООН и ОБСЕ); опасность ослабления политического, экономического, и военного влияния России в мире; укрепление военно-политических блоков, прежде всего, НАТО; распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки; наличие центробежных процессов в СНГ; продолжающаяся эскалация конфликтов вблизи российских границ, а также территориальные притязания к России.

Концепция национальной безопасности значительно расширяет сценарии возможного использования ядерного оружия. Применение ядерного оружия теперь становится правомерным и необходимым «в случае отражения вооруженной агрессии, если все другие меры разрешения кризисной ситуации исчерпаны или оказались неэффективными». Следует добавить, что данный документ отменяет давнюю политическую традицию отказа от применения ядерного оружия первым.

К числу прямых угроз национальной безопасности отнесены сепаратизм и локальные вооруженные конфликты, столь заметно проявившие себя на южных рубежах России.

Внешиполитические аспекты национальной и региональной безопасности

Безопасность и стабильность на Северном Кавказе во многих отношениях зависит от положения в соседних южных странах ближнего и дальнего зарубежья.

С точки зрения региональной и национальной безопасности важнейшими акторами во внешнеполитической стратегии России являются закавказские государства, которые соединяют в качестве промежуточного звена в единую дугу нестабильности два остальных источника конфликтов в этом регионе: ближневосточный и северокавказский. Эта дуга нестабильности стала серьезным фактором в дезинтеграционных процессах, происходящих на южных рубежах России. Сегодня на Северном Кавказе «проходят испытание на прочность базовые основы нашего конституционного строя» (В.Путин).

Национальным интересам России отвечает существование единых, целостных и стабильных соседних стран – Грузии, Азербайджана и Армении, проводящих дружественную

или, по меньшей мере, нейтральную политику в отношении России. Закавказье могло бы образовать надежный буфер, который амортизировал бы угрозы безопасности на юге России, исходящей от нестабильных регионов мусульманского мира. Поэтому Россия прилагает немалые усилия для урегулирования существующих конфликтов и прекращения военных действий в южном поясе (включая участие в миротворческих миссиях, военное присутствие и др.).

Юг России в силу своего геополитического положения неизбежно вовлечен в мировые политические процессы, более того является одним из невралгических узлов современной системы международных отношений.

Ключевыми государствами в Средиземноморско-Черноморско-Каспийском и Кавказско-Ближневосточном регионах является Турция и Иран, также борющиеся за расширение сфер своего влияния в данном регионе.

В Концепции внешней политики Российской Федерации развитие добрососедских отношений и стратегического партнерства с государствами-участниками СНГ объявляется приоритетным направлением.

Приоритетное значение в Южном направлении имеет регулирование конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии, развитие сотрудничества в военно-политической области и сфере безопасности, особенно в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. При этом главные угрозы связываются с деятельностью исламского экстремизма в Таджикистане, Афганистане и на Северном Кавказе. С точки зрения национальных интересов России на Южном направлении развитие ситуации в Афганистане имеет существенное значение. Вместе с тем на Северном Кавказе сосредоточены наиболее серьезные и прямые угрозы целостности Российской Федерации, ее стабильность по всему периметру российской границы.

Россия не может самоустраниться от конфликтов, разворачивающихся на ее южных рубежах. Нестабильность на Кавказе и в Центральной Азии оказывает прямое воздействие на этнополитическую ситуацию в северокавказских республиках России и прилегающих к ним Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области.

Возникли серьезные проблемы, связанные с угрозой распространения религиозного экстремизма и терроризма с территорий Юга, охваченных войнами и беспорядками, недопущением переноса внешних для России конфликтов на внутреннюю почву. Этого добиться не удалось. На юго-западных рубежах России разгорелась русско-чеченская война, принявшая затем характер антитеррористической операции. Не урегулированы осетино-ингушский конфликт, межэтническое противостояние в Карачаево-Черкесской Республике и др.

К числу важных региональных приоритетов России относится сохранение в Кавказском, Каспийском и Центрально-Азиатском регионах своего экономического и военного присутствия.

Огромные запасы обнаруженных здесь углеводородных ресурсов превратились в одну из стержневых проблем современной международной политики.

Для стратегических внешнеполитических и экономических интересов России немаловажным является вопрос: будет ли Россия контролировать нефтепотоки с открытых крупных месторождений нефти и газа на шельфе Каспия? Каспийский бассейн, как Черноморский и Балтийский, составлял значительную часть российского геостратегического потенциала. Юг России имеет перспективы стать составной частью комплексных трансконтинентальных транспортных систем. Однако, возможная транспортировка энергоресурсов Каспия в Турцию, а через нее – на Запад, в обход России по так называемому (транс)кавказскому коридору не отвечает задачам национальной и региональной безопасности. В случае реализации транскавказского коридора (в обход России) проблемы территориальной целостности России могут обостриться, поскольку, как считают эксперты, товарный поток, движущийся из Центральной Азии через Россию, скрепляет Урал, Поволжье, Западную Сибирь, Дальний Восток и европейскую часть России в единое целое.

Поэтому, важный акцент делается на развитие экономического сотрудничества, включая создание зон свободной торговли. Региональным приоритетом в Южном направлении также является выработка такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть

взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе с учетом законных интересов друг друга.

Внутренние аспекты региональной безопасности

В официальных документах, принимаемых органами власти северокавказских субъектов Российской Федерации и анализируемых учеными-экспертами, выделяются различные аспекты национальной безопасности. Построить их приоритеты в масштабах всего региона представляется затруднительным, поскольку каждый из субъектов Федерации обеспокоен теми проблемами, которые наиболее злободневны для него. Так, для Ростовской области на первом месте стоят проблемы экономической и социальной стабильности, для Краснодарского края – ограничение миграционных потоков и ужесточение пограничного режима, для Ставропольского края – решение вопроса о статусе пограничных с Чеченской Республикой территорий и организация защиты населения от бандитских формирований, для Республик Ингушетия и Северная Осетия-Алания – преодоление последствий осетино-ингушского конфликта, практическая реализация «Закона о реабилитации репрессированных народов», для Республики Дагестан – угроза распространения ваххабизма и его политизация, для Карачаево-Черкесии – сохранение межнационального мира.

На фоне этих проблем общую тенденцию к ослаблению государственности в России стимулирует отсутствие или явно устаревший характер ряда законодательных актов, призванных обеспечить национальную безопасность России, в том числе на Северном Кавказе, и в особенности в экстраординарных ситуациях. Так, в России до сих пор действуют формально не отмененные, но устаревшие Закон «О безопасности» от 5 марта 1992 г., «Закон о чрезвычайном положении РСФСР» от 17 мая 1991 г. Кстати, действие отдельных статей Закона РФ «О безопасности» прекращено Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г. «О мерах по приведению законодательства РФ в соответствие с Конституцией РФ». До настоя-

щего времени не принят закон РФ о военном положении. Между тем в ст. 87, 88 Конституции РФ содержатся ссылки на законы о военном положении, о чрезвычайном положении, которые должны быть приняты в ранге федеральных конституционных законов.

К числу проблем, дестабилизирующих обстановку на Юге России, относится неурегулированность ситуации в Чеченской республике Ичкерия и вокруг нее. ЧРИ выступает в роли плацдарма для дислокации бандформирований, действующих с ее территории. Кроме того, около 80 километров границы с Грузией, находящихся в пределах Чечни, по существу, никем из федеральных органов исполнительной власти не контролируются. В настоящее время заканчивается строительство стратегической дороги, соединяющей Чечню и Грузию, что существенно скажется на обстановке в регионе.

Ситуацию в приграничье значительно осложняет криминальная обстановка. Продолжается рост преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, совершаемых с применением огнестрельного оружия. По данным МВД, с начала процесса мирного урегулирования чеченского кризиса бандформированиями с территории Чечни осуществлено более 200 вооруженных нападений на места дислокации сил правопорядка, войсковые и милицейские наряды, а также на различные объекты, расположенные на приграничной территории.

Обстановка в регионе осложняется проблемой разделенных народов, в частности, лезгинского, осетинского и ряда других. Причина остроты этой проблемы заключается, отчасти, и в отсутствии реакции руководства отдельных субъектов Российской Федерации на провокационные, а нередко и антиконституционные требования и действия лидеров национальных движений.

Вышеназванные процессы происходят на фоне значительного снижения возможностей Российской Федерации по нейтрализации угроз ее национальной безопасности на южных рубежах и активизирующихся попыток выдавливания России с внешних границ бывшего СССР.

В результате на Северном Кавказе происходит ослабление российской государственности.

Дело в том, что для России все еще остается незавершенной политической и экономической консолидация власти. Обретение действительной субъектности России в международных отношениях в значительной степени связано с фактом ограниченного суверенитета над собственной территорией. С конца 80-х годов наблюдалась децентрализация и изменение баланса сил в пользу регионов.

Начало первой войны в Чечне (1994-1996гг.) как попытка централизации оказалась неудачной. Под сомнение было поставлено существование единого экономического, политического и правового пространства.

Усиление государственной централизации на Северном Кавказе есть не что иное, как попытка завершения суверенитета нации-государства в классическом его понимании (эпохи Просвещения) – суверенитета как бесспорной, несомненной политической власти на данной территории. Эта задача включает и решение освободить от сепаратистов и вернуть под контроль федерального центра территорию Чечни, то есть предотвратить угрозу распада страны.

К числу принципиальных задач Концепция национальной безопасности Российской Федерации относит противодействие продолжающемуся разрушению единого духовного пространства России, которое провоцирует усиление напряженности во взаимоотношениях регионов и Центра и представляет собой явную угрозу федеративному устройству Российской Федерации.

Особое влияние на современные процессы оказывает активизировавшаяся идеология ислама и стремление ряда лидеров республик Северного Кавказа ориентироваться на страны Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии.

Для достижения поставленных целей мусульманские государства активно используют национальные специальные службы, которые предпринимают попытки к созданию широкого происламского лобби во властных структурах всех уровней. Среди их приоритетных задач – стремление обеспечить единое руководство над всеми мусульманскими организациями России, усилить позиции исламского фундаментализма на территории Северного Кавказа.

К составляющим реальную угрозу интересам национальной безопасности России, способствующим нарастанию национализма, национального и регионального сепаратизма Концепция относит этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда национальных общественных формирований, способствующие усилению национального сепаратизма, создающие благоприятные условия для возникновения конфликтов на этой почве. Среди факторов, усиливающих угрозу нарастания национализма, национального и регионального сепаратизма – массовая миграция и неуправляемый характер воспроизводства рабочей силы в ряде регионов страны. Основными причинами этого являются последствия распада СССР на национально-территориальные формирования, провалы национальной и экономической политики как в России, так и в государствах – членах Содружества Независимых Государств, распространение и эскалация конфликтных ситуаций на национально-этнической почве.

Имеет место также целенаправленное сознательное вмешательство иностранных государств и международных организаций во внутреннюю жизнь народов России, ослабление роли русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Одним из наиболее опасных факторов становится размывание единого правового пространства страны, принятие субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству.

Если проанализировать законодательство субъектов Российской Федерации Северо-Кавказского региона и его соответствие Конституции России и федеральным законам, то можно сделать вывод, что нормативная база практически всех субъектов. Формированная в 90-е гг. вступала в противоречие с федеральным законодательством. Концептуально эти противоречия отражали стремление республик, краев и областей к увеличению объема полномочий и предметов ведения за счет тех, которые входят в сферу совместной или исключительной компетенции федерального Центра. В частности, это касалось и проблем обеспечения национальной безопасности и трактовки этого понятия.

Прежде всего, нужно отметить противоречия на конституционном уровне. В конституциях не всех республик Северного Кавказа признавался безусловный приоритет Конституции РФ и федеральных законов. Так, в ст. 7 Конституции Ингушетии, ст. 65 Конституции Дагестана акцентировалось внимание на верховенстве республиканского закона: «Законы и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления РФ правомерны на территории Республики, если они не противоречат суверенным правам Республики».

В Конституциях некоторых республик Северного Кавказа были предусмотрены нормы, в соответствии с которыми решение об изменении статуса республики принимается на референдуме (ст. 68 Конституции Кабардино-Балкарской республики, и др.). Между тем в ст. 3, п. 1 Закона о референдуме РФ от 10 октября 1995 г. сказано, что вопросы изменения статуса субъектов РФ не могут выноситься на референдум.

Не соответствовала федеральным нормам ст. 32, п. 2 Конституции КБР о государственной поддержке традиционных для народов республики религиозных конфессий и движений. Выделение такого приоритета противоречит требованиям Конституции России о недопустимости установления государственной религии и равенстве религий перед законом (ст. 14 Конституции РФ).

Закрепленные в Конституции РФ и конституциях субъектов РФ (в том числе Северного Кавказа) положения о предоставлении субъектам Федерации самостоятельных полномочий в сфере международных отношений требовали координации.

К противоречиям между федеральным и региональным законодательствами, свидетельствующим об отсутствии четкого механизма правильной оценки реальных возможностей современных властных структур по правовому регулированию различных сфер общественных отношений, относились следующие:

– провозглашение верховенства законов республик, установление всей полноты государственной власти (законода-

тельной, исполнительной, судебной) на территории субъекта Федерации;

- приостановление действия указов Президента Российской Федерации, федеральных законов и других правовых актов РФ, противоречащих суверенным правам и интересам субъектов Федерации (например, Конституция Республики Дагестан, ст. 64.);

- введение статей о федеративном и территориальном устройстве, которое находится в исключительном ведении РФ (например, Конституция Республики Ингушетия, ст. 11);

- проведение референдумов по вопросам, находящимся в ведении Российской Федерации;

- введение чрезвычайного положения на территории субъекта Федерации; ратификация законов и актов, относящихся к совместной компетенции субъекта Федерации и федерального Центра, и рассмотрение вопросов соответствия федеральных законов, изданных по вопросам совместного ведения РФ и субъектов Федерации (конституции республик);

- создание государственных органов, осуществляющих меры по обеспечению национальной безопасности, в то время как вопросы обеспечения безопасности находятся в исключительной компетенции РФ (например, советы безопасности в Дагестане, Ингушетии, в Ставропольском крае и т.д.);

- установление полномочий конституционных судов республик, выходящих за рамки их компетенции, предусмотренной федеральным законом;

- создание в субъектах РФ иных (по сравнению с федеральными) органов конституционного контроля (например, Комитет конституционного надзора Республики Северная Осетия – Алания);

- ограничение деятельности структур федеральных органов власти;

- создание структур, выполняющих судебные функции и не предусмотренных Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»;

- назначение на должности председателя, заместителя, судей Верховного Суда, Арбитражного Суда и районных (городских судов) по представлению субъектов Федерации (пре-

рогатива Президента РФ), назначение судей федеральных судов, действующих на территории субъектов Федерации, с учетом мнения (по согласованию) местных органов власти, финансирование судов из местных бюджетов;

- назначение и освобождение прокурора республики, руководителя республиканского управления Центрального банка с согласия высших должностных лиц или органов власти этих субъектов Федерации;

- право помилования лиц, осужденных судами субъектов Федерации;

- закрепление в конституциях республик Северо-Кавказского региона норм, обеспечивающих внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность республик;

- создание собственных систем налогообложения;

- рассмотрение вопросов земельных правоотношений, установление порядка и условий приобретения в собственность, а также владение, пользование и распоряжение землей, недрами, водами и другими природными ресурсами;

- назначение и освобождение от должности глав органов местного самоуправления; ограничение прав и свобод человека и гражданина;

- наделение жителей субъекта Федерации дополнительными правами (преимуществом) перед другими лицами, находящимися на данной территории Ставропольский и Краснодарский края);

- присвоение гражданства республики соотечественникам, проживающим за ее пределами, ограничение прав для иностранных граждан и лиц без гражданства (присвоение предметов исключительного ведения Российской Федерации).

Таким образом, обеспечение региональной безопасности на Северном Кавказе во многом зависит от эффективности нормативно-правовой базы федерального и местного законодательств. В настоящее время после создания системы федеральных округов идет процесс приведения в соответствие с федеральным законодательством всех норм – правовых актов субъектов, в первую очередь, Конституций и Уставов.

К числу потенциально конфликтогенных факторов, имеющих принципиальное значение в условиях полиэтнич-

ности Северного Кавказа, можно отнести и законотворческую деятельность органов власти субъектов Федерации на Северном Кавказе, связанную с формированием органов местного самоуправления. В данном случае основное противоречие заключалось в том, что утвержденные законом РФ принципы организации местного самоуправления не могут работать без соответствующего уточнения и конкретизации в многонациональных субъектах Федерации на Северном Кавказе. Принципиальные положения о местном самоуправлении, которые закреплены в Российской Конституции (Ч. II, ст. 12, 15) предполагают наличие на территории, где формируются органы местного самоуправления, социально-организованных структур, складывающихся за пределами структур политических. Только при таких условиях возможно вынесение функций органов местного самоуправления за пределы функций системы органов государственной власти и предоставление им самостоятельности в пределах их полномочий. Особенностью местного сообщества в полиэтничных республиках является сосуществование разнообразных, иногда противоречивых национально-политических интересов, что не позволяет в полной мере осуществлять местное самоуправление независимо от государственной системы, выступающей гарантом межнациональной стабильности. С другой стороны, в ряде случаев сформированные в моноэтнических районах органы местного самоуправления на основании принципа отделенности местного самоуправления от государства могут на законном основании выступать в роли параллельных государственным властным структур, способных в пределах своих территорий и полномочий осуществлять собственную политику на местах. Обе указанные тенденции проявились при принятии законов о местном самоуправлении в республиках Северного Кавказа и формировании там соответствующих административных и представительных органов.

Достаточно жесткая зависимость местного самоуправления от органов государственной власти прослеживается в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Ингушетии, где к ведению высших органов республик относится формирование органов местного самоуправления, а также установление общих принципов их организации и порядка деятельности.

Законодательные акты субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе, регламентирующие вопросы организации местного самоуправления, отражают борьбу двух концепций. Сутью одной из них является тезис о местном самоуправлении (или фактически управлении) как продолжении государственной власти на местах, в рамках другой – местное самоуправление понимается как самоорганизация населения, при которой органы самоуправления не входят в систему государственной власти. В целом в регионе возобладала первая концепция, в силу чего органы местного самоуправления (вне зависимости от способов их формирования) остались нижним звеном государственной власти.

В ряде случаев осуществляется своего рода «обратное» делегирование полномочий, т.е. с местного уровня на республиканский, что означает переход сферы компетенции местного самоуправления в ранг государственного управления.

Таким образом, исследование организации местного самоуправления в северокавказских субъектах Российской Федерации показывает устойчивую тенденцию огосударствления местного самоуправления, что объясняется геополитическими и экономическими особенностями этого региона.

Особенностью Северо-Кавказского региона является и то, что по оценке Министерства финансов России, основанной на анализе финансово-экономического состояния субъектов Федерации, он входит в группу регионов, имеющих наиболее значительный дефицит территориальных бюджетов.

Понятно, что в условиях общероссийского экономического кризиса в 90-е гг. произошло снижение уровня дотаций федерального бюджета северокавказским субъектам Федерации. В то же время политическая стабильность региона в этот период базировалась на усилении авторитарной (президентской и глав администраций) власти, создании системы государственного регулирования политических, рыночных, национальных и религиозных отношений. Эффективных экономических рычагов, способных компенсировать дефицит бюджетов, у нынешней региональной элиты нет. Отсюда вероятность массовых акций гражданского неповиновения. Отвлечение глав северокавказских субъектов на преодоление экономических трудностей создает дополнительные возмож-

ности для активизации оппозиции. Различные политические (в том числе, национальные и религиозные) силы пытаются использовать акции гражданского неповиновения в своих целях, выдвигая своих представителей в качестве альтернативных претендентов на ключевые посты в органах власти всех уровней. Таким образом, формируется тенденция на замену действующей, воспитанной в советское время, административной элиты представителями новой элиты, в сознании которых «центро-патерналистские» надежды занимают значительно меньшее место, чем у их предшественников.

Однако реформирование только лишь политических отношений между Центром и регионом не гарантирует устойчивости нынешних и будущих региональных элит. На первый план выдвигается экономический фактор социальной нестабильности. Состояние экономики всего региона в постсоветский период определяется обвальным сокращением промышленного производства. И хотя наметились тенденции относительной стабилизации экономики, перехода к расширенному воспроизводству не наблюдается, как нет и существенного прироста товаропроизводства. Структура экспорта Северного Кавказа имеет сырьевую направленность: в основном экспортируется продукция топливно-энергетического и нефтехимического комплексов, черные и цветные металлы, древесина.

В условиях тяжелого общероссийского экономического и политического кризисов наиболее продуктивным оказался вариант местной автаркии – политики хозяйственного обособления и создания замкнутой самообеспечивающей экономики. В конце 90-х гг. наметилась тенденция оживления горизонтальных связей. В настоящее время руководители субъектов поставили задачу укрепления межрегиональных торговых связей и создания единого рыночного пространства. Однако ее решение сдерживается тем, что в структуре предпринимательства производство товаров потребления и средств производства занимает всего около 20%.

Предприниматели воздерживаются от основательных капиталовложений в производство, обеспечивая свои доходы за счет роста цен на продукцию. Анализ экономической деятельности приватизированных предприятий, по оценкам экспертов, демонстрирует спад производства, сокращение числа

работающих, признаки финансового и материального дефицита, трудности с качеством и реализацией продукции. Основным в настоящее время является торгово-посреднический бизнес.

Остро стоит проблема зарубежных инвестиций. Анализ показывает, что в настоящий момент инвесторами являются мелкие и средние иностранные предприниматели, не обладающие значительным оборотным капиталом.

Особенно это характерно для Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, играющих основную роль в структуре внешнеэкономической деятельности Северного Кавказа.

Фактором, сдерживающим иностранные инвестиции, является близость зон вооруженных конфликтов. Так, Ставропольский край, соседствующий с Чечней, несмотря на то, что он имеет современный экономический потенциал и возможности его использования, занимает только 46-е место в рейтинге инвестиционной привлекательности среди всех субъектов РФ.

В регионе отмечается рост безработицы, особенно среди молодежи. Большую часть безработных составляют специалисты с высшим и средним специальным образованием (например, в КБР – 77,6%, в КЧР – 68,9%, в Адыгее – 62,9%). Среднемесячная заработная плата остается низкой, около половины населения имеют месячные душевые доходы ниже прожиточного минимума. Доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения в 17-25 раз.

Как известно, по классификации Министерства финансов РФ, выявлявшего типы депрессивных регионов, Северный Кавказ попал в «регионы застойной бедности, участвующие в черед сменяющих друг друга межнациональных конфликтов, ухудшающих криминогенную обстановку в стране», состояние которых связано «не только с низким уровнем экономического потенциала, но и с неурегулированностью межнациональных отношений и общей кризисной социально-политической обстановкой в регионе». Из этого следует, что обеспечение экономической безопасности Северо-Кавказско-

го региона является одной из основных составляющих проблемы национальной безопасности России.

В целях устойчивого развития Северо-Кавказского региона необходимо осуществление контроля за соблюдением действующего законодательства по проблемам регулирования предпринимательской деятельности.

В частности, уже сегодня в регионе имеют место случаи нарушения отдельных положений Конституции РФ (ст. 8) и антимонопольного законодательства отдельными органами власти, устанавливающими запрет на продажу товаров из одного региона в другой. Такие неправомерные действия нарушают единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, а также ограничивают свободу предпринимательства, право частной собственности. Это является подрывом единой государственной политики в области экономики и ставит под угрозу интересы не только отдельных лиц, но и общества и государства в целом.

В настоящий момент на Северном Кавказе насчитывается более 7 000 участников внешнеэкономической деятельности (сотрудничество с 130 странами), большая часть которых сосредоточена на территории северо-западного Кавказа. Либерализация внешнеэкономической деятельности является показателем усиления экономической самостоятельности субъектов РФ. В Конституции РФ определен перечень предметов ведения Российской Федерации и предметов совместного с субъектами РФ ведения (ст. 71, 72) в различных сферах. Однако отсутствует перечисление предметов ведения субъектов РФ. Одним из развивающихся институтов являются свободные экономические зоны, а также установление прямых связей между субъектами Федерации и муниципальными образованиями и правительственными или общественными структурами зарубежных государств. В этом случае субъект Федерации опосредованно влияет на определение приоритетов внешней торговли в целом в РФ. В ряде случаев приоритеты субъекта Федерации приходят в противоречие с общероссийскими интересами. При невыгодности соблюдения федеральных интересов и неполучении под региональные программы бюджетного финансирования эти противоречия

будут усугубляться и переходить в политическую плоскость противостояния федеральных и региональных властных структур.

Комплекс серьезных социально-экономических проблем создает массовый приток переселенцев на территорию Северного Кавказа. Он стал основным центром притяжения для внутренних и внешних вынужденных мигрантов, в том числе спасающихся от межнациональных конфликтов. Каждый такой конфликт отмечен прибытием в регион новых потоков беженцев и вынужденных переселенцев: турок-месхетинцев – вследствие межэтнических столкновений в Узбекистане и Киргизии, армян и азербайджанцев – в результате карабахского конфликта, беженцев из Южной Осетии – осетино-грузинского, ингушей – осетино-ингушского. Значительный приток беженцев имел место в середине 90-х годов из Чечни. Кроме того, возвращаются к местам исконного проживания представители ранее репрессированных народов Северного Кавказа, переселяются мигранты, выезжающие по социально-экономическим причинам из северных и восточных регионов России, из государств Закавказья и Средней Азии. За 1989-2002 гг. на Северный Кавказ переехали более 2 млн мигрантов, в том числе 1,5 млн. человек из других регионов Российской Федерации и 0,8 млн человек – из стран СНГ. Основная масса прибыла в Краснодарский край, в Ростовскую область и в Ставропольский край. Миграция в национальные республики Северного Кавказа была ниже и состояла преимущественно из представителей титульных национальностей.

Следует отметить, что данные официальной статистики не полностью отражают реальное положение дел, т.к. многие переселенцы проживают нелегально и не регистрируются в органах внутренних дел и миграционных службах. В первую очередь это относится к переселенцам из Закавказья.

От решения социальных проблем вынужденных мигрантов в значительной степени зависит общеполитическая ситуация в большинстве регионов.

Приток мигрантов способствует росту цен на недвижимость, обострению конкуренции на рынке труда, снижению уровня жизни населения, обострению других социальных проблем, прежде всего в области образования и здравоохранения.

нения, усилению националистических и сепаратистских настроений, криминализации обстановки. Значительные перегрузки испытывает социальная инфраструктура регионов, не рассчитанная на такое количество населения. Именно это определяет оценку миграции как негативного в социальном плане явления. Попытки регулирования миграционных процессов приводят к принятию нормативных актов (законов местных представительных органов власти, указов президентов республик, постановлений правительств, распоряжений глав администраций), многие из которых вступают в противоречие с нормативными актами Российской Федерации, т. к. в них в той или иной степени ограничены конституционные права и свободы граждан, в частности, право на свободу передвижения и выбора места жительства. Как правило, принятые решения пытаются оправдывать необходимостью предотвращения открытых этнических конфликтов. Однако на практике эти меры приводят к разрушению единого правового пространства на территории России, серьезно дестабилизируют общественно-политическую ситуацию в регионе.

Вместе с тем, необходимо признать, что неконтролируемые миграционные процессы уже внесли существенные коррективы в структуру этнического разделения труда, привели к изменениям на рынке жилья, отразились на криминогенной обстановке в регионе, способны вызвать столкновения на межнациональной и межконфессиональной основе.

В условиях социально-экономического неравенства факты, свидетельствующие о создании льготных условий мигрантам, в сочетании с нереализованными правами русских беженцев из горячих точек Северного Кавказа и Закавказья, нередко лишенных помощи государства, – воспринимаются местным населением наиболее остро и способствуют возникновению конфликтных ситуаций, вплоть до массовых беспорядков.

В этой связи можно понять внешнюю привлекательность для части населения региона идей общественно-патриотического движения «Русское национальное единство» (РНЕ), умело использующего сохраняющуюся на Северном Кавказе межэтническую напряженность, усиление пропаганды ваххабизма, «тихую экспансию» неславянского населения на тер-

риторию районов Ставрополя, граничащих с Дагестаном, Чечней и Карачаево-Черкесией, и другие факторы. Идеи РНЕ оказались весьма привлекательными и для части казачества, уставшего от междоусобиц и рассматривающего свое участие в движении как реальную возможность отстаивать интересы русских на Кавказе. Получает развитие движение скинхедов, носящее явно националистический характер и повышающее общий уровень конфликтности в регионе.

Наблюдатели отмечают стабильное увеличение численности сторонников националистических движений на территории Юга России. Заявления их лидеров о том, что «русский юг» является объектом агрессивных планов «кавказских национал-сепаратистов и их высоких покровителей за рубежом и в Кремле», высказываемые ими оценки этнической принадлежности представителей федеральных органов власти, являются в создавшихся условиях серьезной основой, позволяющей им рассчитывать на поддержку определенной части славянского населения региона, в том числе казачества, симпатизирующей идеям движения.

Стремясь остановить потоки миграции, нормализовать обстановку в приграничных районах, органы власти Ставропольского и Краснодарского краев вынуждены принимать самостоятельные меры по ужесточению пограничного режима. Кроме того, сложная криминогенная обстановка в приграничных с Чечней районах Ставропольского края выдвигает на первый план требования местного населения о жестком закрытии административной границы с «беспокойным соседом», инициирует территориальные притязания к отдельным субъектам Федерации на Северном Кавказе.

Политическая обстановка, трудности социально-экономического характера, складывающаяся новая социальная структура, различия национальных, религиозных, политических и других интересов, неравномерность распределения общественного богатства среди различных слоев населения способствуют возникновению очагов напряженности и конфликтов. На Северном Кавказе как ни в каком другом регионе России стали разрастаться официальные и неофициальные вооруженные формирования и военизированные структуры с

нечетко определенными задачами, статусом и гарантиями прав личного состава.

Повышенная общественная опасность организации незаконных вооруженных формирований заключается прежде всего в отсутствии контроля за ними со стороны органов власти. Деятельность этих формирований нарушает стабильность и равновесие между различными ветвями власти, порождает социальную напряженность и создает возможность нарушения прав человека. Особенно опасными они становятся в условиях массовых беспорядков.

Несмотря на различие в причинах возникновения и разнообразии в формах протекания, массовые беспорядки, имевшие, например, место в последнее время в Дагестане, характеризуются рядом специфических признаков. К ним относятся: рост числа участников, усиление жестокости и причинение значительного материального ущерба, рост «профессионализма» преступников, их высокая техническая оснащенность и вооруженность.

Нерешенность перечисленных проблем национальной безопасности, эскалация вооруженного противостояния на территориях отдельных республик, а также нагнетание напряженности вокруг региона уже сегодня создает реальные предпосылки к усилению уже имеющихся и возникновению новых угроз безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе.

Думается, что приоритетными направлениями здесь – и таково мнение большинства российских, как московских, так и местных экспертов и практических работников, – должно стать правовое обеспечение конституционной безопасности и правовое регулирование региональных отношений в социально-экономической сфере, повышение роли интеграционных региональных структур и реализация региональных инвестиционных программ.

Литература

1. Безопасность России. М., 2000
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

3. Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. В 2-х тт. В 3-х кн. М., 1999.
4. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
5. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.
6. Игнатов В.Г., Таранцов В.П., Понеделков А.В. и др. Проблемы обеспечения общенациональной безопасности на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2000.
7. Кобринская И. Общая безопасность и безопасные сообщества // Вестник Евразии. 1998. № 1,2 (4-5).
8. Куклина И.Н. Деформация глобальных структур безопасности и Россия // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб.3. Особый случай России. М., 1999.
9. Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999.
10. Хоперская Л.Л. Факторы социально-политической стабильности и стратегия безопасности на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2000.

Глава 2. **СУЩНОСТЬ ТЕРРОРИЗМА**

Террология. Терроризм в историческом контексте. Ситуация вооруженного конфликта. СМИ и терминология. Уголовная преступность и терроризм. Религиозная доминанта. Специфические формы терроризма. Определения терроризма. Типологии терроризма. Литература.

Террология

Среди целого ряда глобальных проблем впервые в истории в начале XXI века на передний план выходят задачи совместной борьбы различных государств против терроризма, против нового, невиданного витка насилия, мотивированного политическими целями. Начиная с 60-х гг., терроризм резко усилил свое отрицательное воздействие на развитие международных отношений и внутригосударственную жизнь, бро-

сив едва ли не наиболее опасный вызов не только международной безопасности, но и самой человечности. Очевидно, что для успеха в этом противостоянии нужны совместные усилия всего мирового сообщества, координация действий на глобальном, региональном и национальном уровнях. Но встает вопрос: с каким феноменом столкнулся сегодня мир? Можно ли исследовать его объективно? Прежний ли это терроризм и достаточно ли считать его одним из видов криминальной активности? Можно ли вообще искоренить его?

Само слово «терроризм» сразу привлекает к себе внимание. Стать жертвой террористического акта – личная трагедия, но это также общественная беда, говорящая о неблагополучии самих основ общества. Терроризм, по большому счету, не очень распространенная вещь – очень немногие из нас когда-либо встретятся лицом к лицу с террористами. Но, несмотря на эту относительную редкость, террористический акт – важное общественное событие. По сути, в каждом случае он порождает два вида жертв – как самих пострадавших, их семьи и друзей, так и всех нас, ибо мы теряем чувство безопасности и уверенности в самих основах общественного порядка. Бесмысленное, казалось бы, насилие против случайных людей ради политики заставляет думать: а не разваливается ли в каком-то смысле само наше общество?

Террология – сложный предмет, требующий кросс-дисциплинарного подхода, потому что терроризм пересекает границы дисциплин так же легко, как границы государств. Попробуем уловить суть этого феномена.

Понятно, что сам факт того или иного события терроризм не определяет. Например, взрыв летательного аппарата может быть и террористическим актом (гибель российских вертолетов в Чечне), и злосчастной ошибкой (попадание украинской ракеты в гражданский самолет ТУ-154 во время учений ПВО осенью 2001 г.) США способны нанести ракетный удар по предполагаемым террористическим объектам, мотивируя это угрозой национальным интересам или международному миру, но они могут осудить другое государство за подобные действия. Глубокая пропасть в восприятии трагедии 11 сентября 2001 г. разделяет арабов-мусульман и Запад. По данным Института Гэллага, 36 проц. опрошенных ку-

вейтцев, граждан эмирата, освобожденного международными силами во главе с США в 1991 г., назвали теракты 11 сентября «оправданными», лишь 18 проц. опрошенных (в девяти арабских странах) верят в то, что теракты организованы арабами, 61 проц. убеждены, что «арабы не несут за них ответственности»; 91 проц. выступали против военной кампании США в Афганистане².

Двойные стандарты и противоречия подобного рода показывают, что термин «терроризм» проблемен по своей сути. Это подтверждают данные Центра социологического анализа и прогноза, который провел специальный опрос среди москвичей вскоре после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, 47 проц. москвичей считают, что терроризм – это террористические акты; 38 проц. – «преступление», «варварство», «насилие» и т.п. (есть оценка, но нет характеристики); 12 проц. затруднились с ответом или не захотели говорить на данную тему; 2 проц. – «не знают». Только 1 проц. опрошенных попытались определить его как чьи-то действия, направленные на достижение определенной цели³. Подобную ситуацию порождают несколько факторов.

Во-первых, термин «терроризм» имеет эмоционально заряженные, в первую очередь уничижительные, коннотации. Ярлык «террориста/террористов» выводит индивида или группу за рамки санкционированных общественно-политических взаимодействий. Например, политический деятель, обвиняемый в терроризме, устраняется из участия в политическом диалоге, а политические движения, если их последователей считают террористами, могут подавляться на легитимной основе.

Во-вторых, это переплетение терминов «терроризм» и «террор» (от латинского *terror* – страх, ужас). Скажем, главная цель любой регулярной армии – сеять страх в сердцах противников, и страх как сдерживающая сила был могучим оружием в военных конфликтах на протяжении всей истории человечества. Сторонники антимилитаристских идей утвер-

---

² «Известия» 5.03.2002.

³ См. Ольшанский Д.В. Психология террора. – Екатеринбург: Деловая книга, М.: Академический проект, ОППЛ, 2002. С.11-12.

ждают что применение военной силы и терроризм – родственные понятия; с этой точки зрения, ядерные ракеты в состоянии готовности к пуску – тоже терроризм. Другие, следуя этой же логике, говорят об уличных хулиганах, которые терроризируют всех в округе. Таким образом, понятие «террористического» чрезмерно расширяется.

В-третьих, на суть этого понятия влияет изменение социального-исторического контекста. Терроризм, как и преступность, имеет социальные корни и не является некоей недифференцированной целостностью.

Рассмотрим, как тот или иной контекст исследования приводит к флуктуации рассматриваемого термина.

Терроризм в историческом контексте

История терроризма привлекала многих исследователей⁴. Одно из первых упоминаний о политическом терроре связано с именем полководца Луция Корнелия Суллы, который после победы в гражданской войне над Гаем Марием установил в Риме диктатуру, сопровождавшуюся кровавыми бесчинствами (82-79 гг. до н.э.) В историю вошли проскрипции Суллы – списки лиц, объявленных вне закона, которые составлялись в каждом городе Италии. Атмосфера неизвестности (Сулла «вспоминал» все новые и новые имена) погрузила римских граждан в состояние ужаса. Методы террора использовала еврейская политическая группировка зилотов, боровшаяся против Рима за автономию Фессалоник. В I веке представители их радикального крыла, в Иудее называвшиеся сикарии (от латинского *sika* – кинжал), убивали не только римлян, но и сотрудничавших с ними своих соотечественников. Эпоха феодализма в Европе ассоциируется в том числе с виселицами вдоль дорог, выставленными напоказ отрубленными головами участников народных бунтов или просто недовольных, с

---

⁴ См., напр., Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. – М., 1987. С.9-33; Петрищев В.Е. История терроризма в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. –М.: Эдиториал УРСС, 2000; Ольшанский Д.В. Указ. соч. С.31-53.

деятельностью святой инквизиции, а также террористическими актами феодальных властителей против своих противников и вассалов.

Однако происхождение массового терроризма связывают, как правило, с Великой Французской революцией (1789-1795), которая сопровождалась кровавой расправой шедшей к власти буржуазии со своими противниками, а затем братоубийственным террором против ее руководителей, в том числе Робеспьера. В начале XIX в. в Европе родились такие террористические объединения, как мафия, каморра, братство партопариев. Итальянская мафия, возникнув на Сицилии, смешала уголовные дела с политикой и эволюционировала в преступный синдикат, охвативший впоследствии и американский континент. В 1848 г. термин «терроризм» стали употреблять для характеристики действий революционеров – республиканцев и националистов. Именно в этот период началась история Ирландской республиканской армии (ИРА), использовавшей террористические методы в борьбе за самоуправление Ирландии. В конце XIX – начале XX вв. к террористам относили анархистов, борцов за национальное освобождение, ультранационалистов и членов ряда рабочих организаций. Среди них выделялись русские революционеры («Народная воля», Боевая организация эсеров), утверждавшие идею о том, что Россию можно привести к обществу социальной справедливости только через террор. После победы большевистской революции 1917 г. В.И. Ленин принял на вооружение тактику красного террора (по его мнению, не лучшего, но оправдываемого средства) против врагов советской строя. При Сталине террор стал не только средством борьбы с политическими противниками, но и способом утверждения режима личной власти. Массовый террор стал политической обыденностью и в другой политической системе – нацистской.

После II Мировой войны содержание этого понятия меняется вновь: главными террористами для метрополий стали борцы за национальное освобождение колоний и полуколоний. Приблизительно с 1964 до начала 80-х гг. термин «терроризм» применялся к левацким группировкам (французская группа «Прямое действие», немецкие «Фракция Красной ар-

мии» и «Революционные ячейки», итальянские «Красные бригады», «Японская Красная армия» и др.), которые в основном сошли с политической сцены к 1995 г., а также националистам (баскская ЭТА – «Эскауди та Аскатасуна» («Баски – за родину и свободу»), уже упоминавшаяся ИРА, Курдская рабочая партия (Турция) и др.) С середины 80-х усиливаются позиции «правого» терроризма (неофашистские, антисемитские, расистские организации): их база в Германии и Австрии в 1982 г. оценивалась приблизительно в 20 тыс. чел⁵. На мировой арене терроризм рассматривался как проявление противоборства между государствами. С началом нового тысячелетия под терроризмом понимают также деятельность разветвленных структур религиозных фанатиков, не зависящих от государства, и групп, применяющих насилие ради определенной цели – например, защиты окружающей среды. Как представляется, приведенных фактов достаточно, чтобы констатировать: на понимание сути терроризма влияют социально-исторические условия.

Ситуация вооруженного конфликта

Как известно, в мире велись и ведутся разные типы войн. Во время обычной войны могут использоваться диверсионно-десантные отряды, чья тактика весьма напоминает террористическую. Они могут минировать дороги и мосты, взрывать системы водоснабжения и т.д., то есть осуществлять операции, неизбежно влекущие за собой гибель мирных жителей. Тем не менее, подобные действия практикуются во всех регулярных армиях, и военное командование никогда не считает их террористическими.

В партизанской войне бойцы используют такую же тактику против сил противника и сотрудничающих с ним лиц, однако их зачастую приравнивают к террористам. В мировых войнах воздушные силы и артиллерия способны уничтожить целые города (вспомним Сталинград, Дрезден, Хиросиму и Нагасаки), и при этом противоборствующие стороны убеждены в своей правоте. Можно привести сотни подобных при-

---

⁵ Dobson, C., Payne, R. The Terrorists. New York: Facts on File. P. 183.

меров, говорящих о глубокой противоречивости применяемых методов и суждений, однако для нас важно отметить, что понятие «терроризм» зависит и от природы конфликта, Чаще термин употребляется для характеристики насильственных действий против безоружных людей в мирный период.

Терроризм может «возникнуть» и по воле правящей элиты. Властные структуры получают бóльшую свободу действий (и расходов) и укрепляют позиции, когда именуют оппозиционную силу «террористической». Электорат склонен не замечать ошибки и упущения власти, когда она ведет контртеррористическую кампанию. «Террористы» не пользуются теми же гуманитарными привилегиями, что и «обычные люди». В общественном сознании незаконные аресты, жестокое обращение и даже пытки допустимы, когда речь идет о террористах. Наклеивание ярлыков может привести к печальным последствиям, прежде всего росту экстремизма.

Репрессии против собственных граждан могут получить идеологическую мотивацию и прочно укорениться в политической культуре общества. Это в первую очередь свойственно тоталитарным и авторитарным режимам. И.В.Сталин провозгласил тезис о нарастании классовой борьбы по мере строительства социализма во враждебном окружении и использовал террор для укрепления режима личной власти, ликвидации не только подлинной, но и мнимой оппозиции в советском партийно-государственном аппарате. Миллионы «врагов народа» в лагерях осваивали богатства Сибири и Дальнего Востока. Тотальную систему террора выстроил и Гитлер, причем не только по отношению к населению захваченных территорий, но и к немцам. Пытки, убийства, похищения людей закрепились и в практике латиноамериканских диктатур, нередко опиравшихся на помощь США.

СМИ и терминология

Слово «терроризм» зачастую используется СМИ как синоним любого политического и физического насилия, чтобы увеличить аудиторию. Единого корпоративного кодекса журналистов и репортеров на этот счет не существует, но некоторые компании вводят в этой сфере определенные ограниче-

ния. Например, международное информационное агентство «Рейтер» предписывает своим сотрудникам «воздерживаться от суждений» и, соответственно, избегать слова «террорист» в текстовых и видеоматериалах. Вместо этого оно предлагает использовать «более общие» или «более конкретные» термины: «боевики», «бомбисты», «вооруженные люди», «угонщики». В 2001 г. британская корпорация Би-би-си также публично отказалась от употребления термина «терроризм». По заявлению ее руководства, он является субъективным, а его употребление вредит имиджу корпорации, претендующей на объективное освещение событий⁶. В любом случае, терроризм в трактовке СМИ может «потерять» свои очертания.

Уголовная преступность и терроризм

В Уголовном кодексе РФ есть отдельная статья «Терроризм» (ст.205), где он определяется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». Но ведь терроризм – не исключительно криминальный феномен. Что отличает его от других преступлений, например, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, истязания и т.д.? По мнению Национального консультативного комитета по уголовному судопроизводству в США, чтобы квалифицировать преступный акт как террористический, необходимо учитывать наличие или отсутствие политической мотивации. При этом криминальная составляющая никуда не исчезает. Таким образом, за исключением случаев вооруженных конфликтов или правительственных репрессий, все виды терроризма включают в себя уголовный компонент и не могут рассматриваться только как политические преступления. Что же касается уголовного терроризма, под которым пони-

---

⁶ «Коммерсантъ ВЛАСТЬ» 11-17 ноября 2002. С.20.

мается деятельность структур организованной преступности, использующих насилие и устрашение как по отношению к конкурентам, так и для криминального лоббирования своих интересов во властных структурах, то он в целом является общеуголовным явлением, хотя, несомненно, при достижении широких масштабов подрывает национальную безопасность.

Религиозная доминанта

В последние два десятилетия религия стала играть все возрастающую роль в мотивации террористической активности. Подробнее этот вопрос будет затронут ниже, однако важно отдавать себе отчет, что религиозный фанатизм (от латинского *fanum* – жертвенник), обычно основанный на святости жертвы во имя Бога, образует особый контекст для понимания терроризма. Насилие во имя веры имеет три источника. Это:

– «эсхатология насилия»⁷, когда некоторые группы верующих ощущают, что они должны избавить мир от скверны, расчитив дорогу «новой эре»;

– осознание собственной «избранности» и непогрешимости, что позволяет не задумываться о ценности жизни других;

– «суррогатные» религии, когда сверхценные, по мнению их последователей, идеи могут утверждаться насилием.

Специфические формы терроризма

Термин «терроризм» используется в словосочетаниях «технологический терроризм», «кибертерроризм», «наркотерроризм». Первый подразумевает использование оружия

---

⁷ Эсхатология (от греческого *éschatos* – последний, конечный) – учение о конечных судьбах мира и человека. В становлении всемирной эсхатологии особая роль принадлежит иудаизму, сосредоточенному на мистическом осмыслении истории как разумного процесса, направляемого волей Бога: руководимая Богом история должна преодолеть себя самое в приходе «нового неба и новой земли».

массового уничтожения или разрушение высокотехнологичных систем для осуществления в обстановке хаоса поставленные цели (например, в 1995 г. радикальная религиозная секта «Аум Синрикё» использовала в токийском метро отравляющий газ зарин, чтобы, воспользовавшись всеобщей паникой, захватить политическую власть). Второй означает атаку на компьютерные системы, распространение вирусов, уничтожение информационной инфраструктуры, а третий – применение террористической тактики наркокартелями, с одной стороны, и продажу наркотиков террористами с целью получения средств – с другой. По заключению Р.Перла, главного аналитика по международному терроризму и наркотикам при Исследовательской службе Конгресса США, террористические организации неспособны выживать без доходов от наркоторговли; потребность террористов в таких доходах он отнес к особой форме «наркозависимости» (один гектар опийного мака приносит такой же доход, как 40 гектаров хлопка)⁸. Но все это не самостоятельные виды терроризма, а скорее формы и направления деятельности политических и религиозно-политических террористических организаций.

Факторы, влияющие на наше понимание и восприятие терроризма, не исчерпываются этим перечнем. Однако можно ли, учитывая все «но» и «и», выработать четкое и исчерпывающее политологическое определение этого феномена? Посмотрим, к чему же пришли исследователи терроризма – террологи.

Определения терроризма

Дефиниций терроризма насчитывается, по некоторым данным, более ста, причем в основе всех их лежит констатация допустимости насилия ради осуществления какой-либо цели. Например, в докладе созданной в США в 1985 г. межведомственной комиссии по борьбе с терроризмом говорится: «Терроризм – это противоправное использование или угроза использования насилия против лиц или объектов для достижения политических или социальных целей. Обычно он на-

---

⁸ «Известия» 26.08.2002.

правлен на запугивание или принуждение правительств, групп или отдельных лиц для изменения их политики или действий»⁹. В Декларации Организации американских государств 1996 г. терроризм определен как «серьезная форма организованного и систематического насилия, которое имеет своей целью посеять хаос и страх среди населения, приводит к смерти людей и разрушениям и является видом преступной деятельности, заслуживающим осуждения». Однако получившие широкое распространение определения терроризма на удивление просты. В.Лакёр, авторитетный специалист в этой области, пишет, что «терроризм представляет собой нелегитимное использование силы для реализации политической цели путем угрозы невинным людям»¹⁰. Другой терролог, Б.Дженкинс, трактует терроризм как применение или угрозу применения силы для достижения политических изменений. Понятно, что с таким определением предмет исследования остается очень широким; не очень помогает оно и при анализе различных форм террористической активности.

Для противостояния терроризму государству необходима правовая основа, содержащая признаки преступления. Выше мы затронули вопрос о трактовке внутригосударственного терроризма как уголовного преступления в УК РФ. Эта формулировка была использована и в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» 1998 г. (в 2002 г. в России был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»). В Турции в законе «О борьбе с терроризмом» последний трактуется как «различного рода деятельность, проводимая одним человеком или группой лиц, являющихся членами организаций, которые при помощи одного из методов налета, насилия, сильного запугивания, пыток и угроз ставят своей целью изменение политического, правового, социального, светского и экономического устройства, закрепленных в конституции республики, подрыв государственных начал, национальной и государственной целостности, создание опасности для существования государства и республики,

---

⁹ Цит. по Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Степанов Е.И. ред. Указ. соч. С.38.

¹⁰ Laqueur W. The Age of Terrorism. Boston: Little, Brown, 1987. P.72.

подрыв авторитета государства (уничтожение или захват власти), нарушение основных прав и свобод, причинение вреда общественному строю или общественному здоровью». В Законе «О борьбе с терроризмом» ФРГ устанавливается, что к террористическим актам относятся действия, преследующие цели: а) нанесения ущерба целостности, а также внешней или внутренней безопасности; б) устранения, прекращения действия или подрыва конституционных основ; с) нанесения ущерба безопасности размещенным на территории ФРГ войскам иностранных государств-участников НАТО¹¹. Таким образом, и российские, и иностранные правовые документы в развернутой форме фиксируют внимание на *проявлениях* терроризма и общеуголовных деяниях, оцениваемых как террористические при наличии определенных признаков.

С большими сложностями встречается разработка международно-правового определения терроризма. В Декларации Генеральной Ассамблеи ООН 2000 г. была отмечена безотлагательность задачи предотвращения и ликвидации международного терроризма, а на пленарных заседаниях в 2000 г. и после событий 11 сентября 2001 г. вновь подчеркнута приоритетная необходимость в юридической базе для борьбы с ним. В настоящее время в рамках ООН создана рабочая группа по разработке современной конвенции по международному терроризму. Но учесть и каким-то образом унифицировать разнообразие проявлений и мотиваций современных террористов чрезвычайно сложно. Разнится в мировом сообществе и понимание национальной безопасности. Может ли оно найти, например, единый подход к деятельности Председателя ООП Ясира Арафата, которого одни считают легитимным лидером палестинского народа, борющегося за национальное самоопределение в соответствии с принципами международного права, другие – пособником террористов или террористом, а арабские экстремисты – предателем палестинского дела? И как следует относиться к лидеру североирландской партии Шинн Фейн (политической ветви ИРА) Джерри Адамсу, на переговорах с которым британский премьер-министр Энтони

---

¹¹ Цит. по Петрищев В.Е. Антитеррористическое законодательство за рубежом// Степанов Е.И. ред. Указ. соч. С.220-227.

Блэр в конце 90-х гг. обсуждал вопрос о прекращении терактов?

Поэтому соответствующие документы, принятые в рамках ООН, ее специализированных или связанных с ней учреждений, региональных и других организаций (например, «восьмерки»), так же, как и национальные законодательства, сосредоточены на акциях, составляющих терроризм, и мерах их пресечения. В системе ООН эти акции разделены на четыре категории: 1) направленные против определенных видов транспорта или конкретных сооружений; 2) направленные против конкретных категорий лиц; 3) захват заложников; 4) использование определенных веществ или устройств для террористических целей. Как мы видим, целая группа вопросов еще не получила международно-правовой разработки.

К наиболее важным международным документам в этой области следует отнести Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963), Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970), Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971), Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973), Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников (1973), Конвенцию о физической защите ядерного материала (1979), Резолюцию ГА ООН о недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах (1984), Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988), Конвенцию о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1991), Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма (1994), Декларацию, дополняющую Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма (1997), Европейскую конвенцию о борьбе с терроризмом (1977), Лимскую декларацию ОАГ о предотвращении и ликвидации терроризма и борьбе с ним (1996), Кодекс поведения арабских стран-членов Совета министров внутренних дел по

борьбе с терроризмом (ЛАГ, 1996), Декларацию совещания министров «восьмерки» в Оттаве по борьбе с терроризмом (1995), Итоговое коммюнике встречи «восьмерки в Денвере (1997).

Сам термин «международный терроризм» возник в начале 70-х годов. Так, в «Словаре международного права» 1986 г. он определяется как «совокупность общественно опасных в международном масштабе деяний, влекущих бессмысленную гибель людей, нарушающих нормальную дипломатическую деятельность государств и их представителей и затрудняющих осуществление международных контактов и встреч, а также транспортных связей между государствами». На VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. в докладе Генерального секретаря ООН говорилось: «Международный терроризм можно охарактеризовать как террористические акты, при совершении которых исполнители (или исполнитель) планируют свои действия, получают руководящие указания, приезжают из других стран, спасаются бегством или ищут убежище, или получают помощь в любой форме не в той стране или странах, в которых совершаются эти действия»¹². Отметим, кстати, что «абстрактные» международные террористы вряд ли существуют¹³ – ведь все они имеют и национальность, и определенные политические цели. Другое дело, что процесс глобализации привел к транснационализации инфраструктуры терроризма, свободному «обращению» боевиков, экстремистских идей, финансов, оружия, литературы.

Как мы убедились, основное достоинство правовых дефиниций терроризма – создание юридической базы для силовой контртеррористической деятельности властных структур. В то же время они вряд ли будут полезны за ее рамками, поскольку не учитывают социально-политическую природу феномена. Более того, существует возможность их использова-

---

¹² Цит. по Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества. М.: ИМЭМО РАН, 1997.С.18.

¹³ Если только не иметь в виду такие фигуры, как печально известный Абу Нидаль (Сабри аль-Банна), поставивший дело терроризма на профессиональную основу и выполнявший самые разные задания; он был убит летом 2002 г. в Багдаде.

ния «не по назначению». Насилие – результат сложнейших социальных процессов, которые выходят за рамки узких правовых ограничений и вводимых внешней политикой запретов. Оно всегда присутствует, например, при создании национального государства, которое в ходе истории возникало не в результате мирного развития и законных договоров, а выросло из вторжений, колонизации и вооруженной борьбы. Американские патриоты воевали с Великобританией за признание независимости США, а муджахеды Армии национального освобождения Алжира вели ожесточенную войну с французской администрацией, несмотря на закон 1947 г., который гарантировал алжирцам статус французских граждан и учреждал алжирский парламент (кстати, по алжирским данным, всего за годы войны погибло 1,5 млн. человек и было полностью разрушено 9 тысяч деревень). Особенно убедителен в этом отношении пример Израиля. «Историческая трагедия сионизма, – пишет В.Лакер, – заключалась в том, что он появился на международной сцене в тот момент, когда на карте мира уже не осталось свободных мест. Где бы евреи ни решили поселиться, рано или поздно они вступили бы в конфликт с местным населением... Коренное население либо поглощается и ассимилируется, либо уничтожается, либо изгоняется. Изгнание десяти миллионов немцев из Восточной Европы было немедленно признано внешним миром как свершившийся факт; тех же, кто не хотел смириться с этой несправедливостью, называли реваншистами и разжигателями войны»¹⁴.

По политическим и иным соображениям многие государства, как представляется, не хотели бы связывать себя твердой формулой определения терроризма. Субъективный элемент в его трактовке можно проследить на позиции США. Еще в период администрации Р.Рейгана (1981-1989) аналитики выделили пять зависимых от Советского Союза государств, использовавших терроризм для ударов по американским интересам: Ливию, Сирию, Болгарию, ГДР и Северную Корею, которые действовали «под общим руководством КГБ». Но после распада СССР стало понятно, что государст-

---

¹⁴ Лакер В. История сионизма. – М.: Крон-пресс, 2000. С.836.

ва-спонсоры, предоставлявшие террористическим группам поддержку и место для дислокации, никогда не контролировали их. Собственно говоря, об этом свидетельствует и американский опыт «сотрудничества» с афганскими муджахедами и У. Бен Ладеном.

Госдепартамент США регулярно обнародует списки международных террористических организаций, которые носят явно выборочный характер. Так, например, в 90-х гг. в списке отсутствовали ИРА, Исламский фронт спасения (Алжир), чеченские группы типа «Армии генерала Дудаева» и т.д. Любопытно, что за время недавней гражданской войны в Алжире американским компаниям удалось установить контроль над нефтегазовой промышленностью страны, вытеснив французов. Договоренность о строительстве газопровода между французской «Тоталь», российским «Газпромом» и малазийской «Петронас» с Ираном в 1997 г. стараниями США вызвала политический скандал, но при этом переговоры американской компании «Юнокал» по поводу прокладки газопровода через Афганистан, которые велись с группировками не менее фундаменталистскими и экстремистскими, чем иранский режим, не считались чем-то предосудительным. Несмотря на то, что израильско-иранские отношения на всех уровнях были разорваны после исламской революции 1979 г., с началом ирано-иракской войны (1982-1988 гг.) обозначилось неофициальное торгово-экономическое и даже военное сближение Тель-Авива и Тегерана, политическим мотивом которого стал враждебное отношение арабского мира. Контакты происходили через третьи страны: например, экспорт иранской нефти в Израиль осуществлялся при посредничестве британских, французских и японских фирм. Объемы ежегодной военной помощи Израиля Ирану составляли в годы войны от 500 тыс. до 1 млн. долларов¹⁵. Терроризм, таким образом, стал не только социально-политическим, но и экономическим явлением. Он регулирует цены на энергоносители, сказывается на биржевых котировках, приносит прибыль и разоряет.

Почти всегда от термина «терроризм» стремятся дистанцироваться те, кто его практикует. «Наши враги, – писал из-

---

¹⁵ «Независимая газета» 30.05.2002.

раильский террорист, а впоследствии премьер-министр Израиля М.Бегин, – называют нас террористами. Люди – не наши друзья, не наши враги ... – также используют этот термин под влиянием британской пропаганды или по привычке. Наши друзья, например, ирландец О’Рейли предпочитает, как он писал в своем письме, «возглавить историю», называя нас простым, хотя также латинским словом «патриоты»¹⁶. Глава ООП Ясир Арафат заявлял в период открытого использования этой организацией террора, что «атака против мирных целей заслуживает сожаления, но это необходимый путь для того, чтобы заявить миру об исторической несправедливости по отношению к палестинцам со стороны ряда западных правительств и Израиля»¹⁷. Он предпочитал именовать операции палестинских отрядов «партизанской войной».

В религиозно-политическом терроризме акции насилия – это борьба за веру. В тетради одного из последователей ваххабизма в Дагестане, которая была обнаружена и подготовлена к публикации российским ученым А.Ярлыкаповым, мы читаем: «Джихад – это священная война, вершина столпов религии, ведение джихада обязательно для каждого дееспособного мусульманина... Джихад с неверными, коммунистами, иудеями, христианами, которые повсеместно борются против Ислама, устраивают козни, убивают и бросают в тюрьмы мусульман – ведется всеми возможными средствами – финансовой поддержкой для закупки оружия, обмундирования для муджахиддинов (муджахедов), а также словом – теми, кто сам лично не может участвовать в боевых действиях против врагов Аллаха»¹⁸. (Ввиду принципиальности этого момента отметим, что джихад не входит в число пяти «столпов» ислама и что «борьба против неверных» не самая важная из составляющих джихада).

Американский политолог М.Креншо делает попытку разграничить террористов и борцов за свободу. Она отмечает,

---

¹⁶ Begin M. The Revolt. L., 1979. P.59. Цит. по Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества. С.14.

¹⁷ Terrorism and International Order. Chatam House Special paper. N.-Y., 1988. P.10. Цит. по Морозов Г.И. Указ. соч. С.14.

¹⁸ Кредо ваххабита // Вестник Евразии, 2000, №3. С.125-126.

что терроризм не может быть определен, пока не проанализированы сам акт, его объект и возможность успеха. Согласно такой позиции, борцы за свободу правомерно используют военную тактику для поражения политической «мишени». Их действия получают большую легитимацию, когда они имеют шанс одержать победу. Если речь идет о терроризме, то он не может отвечать по крайней мере одному из условий: наличие военной тактики, военной мишени и шанса победить. Креншо также предлагает не смешивать терроризм и революционное насилие. Терроризм в ее трактовке – социально и политически неприемлемое насилие, направленное на гражданский объект для достижения психологического эффекта¹⁹. Но и этот аналитический подход имеет уязвимое место: кто имеет власть определять, что легитимно, а что – нет, тот может решить, что называть терроризмом. Например, ЭТА изначально не была ориентирована на насилие в борьбе за национальную автономию. Активную террористическую кампанию она начала во второй половине 60-х гг., когда генералиссимус Франко предпринял попытку ликвидировать движение, осуществляя *государственную* политику инкорпорации баскского региона силовыми методами.

Не следует также ставить в один ряд современный терроризм и репрессии государства. Невозможно отрицать, что последние принесли не меньше смертей и страданий, чем террористические группы (на самом деле, несравнимо больше), но это, как представляется, отдельная проблема, связанная в первую очередь с природой и спецификой функционирования тоталитарных и авторитарных режимов. Терроризм – метод борьбы, где жертвы служат символическими мишенями. Террористы способны производить хроническое состояние страха, используя насилие вне мира нормативного поведения. Это расширяет поражаемую аудиторию и имеет результатом изменение реакций и действий людей.

Итак, к «простым» дефинициям этого феномена (терроризм как нелегитимное применение или угроза применения силы для достижения политических изменений) можно было

---

¹⁹ Crenshaw M (ed.). *Terrorism, Legitimacy and Power*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1983. P.4-8.

бы только добавить, что он направлен на символические мишени – невинных людей. Рассмотрев ряд возможных контекстов исследования терроризма, мы убедились, что попытки выйти за рамки сжатого определения вряд ли будут плодотворными из-за глубокой внутренней противоречивости объекта исследования. Подход к терроризму не может быть выдержан в парадигме ценностной нейтральности.

Типологии терроризма

Типологий терроризма так же много, как его определений, однако это, скорее, преимущество. Различные модели (например, взаимозависимости активности группы, ее размера и характера мер противодействия) и типологии помогают как увидеть всю широту этого явления, разнообразие составляющих его действий, так и конкретизировать уровень распространенности случая (локальный, региональный, глобальный) и определить адекватный ответ. При этом следует учитывать, что терроризм постоянно видоизменяется и что каждый инцидент требует анализа конкретных социально-исторических и политических условий. Многие проявления терроризма содержат в себе столько компонентов, что их очень трудно поместить в рамки какой-то одной типологии. Собственно говоря, в этом-то и таится опасность: может возникнуть желание «подогнать» событие под параметры образа, уравнивать переменные, которые не могут быть сопоставлены в различных случаях, пожертвовать деталями. Поэтому все классификации будут иметь только функциональное значение в соответствии с задачами проводимого исследования.

Российский политолог Ю.Авдеев, обобщая распространенные основания для классификации видов терроризма, называет следующие критерии:

- основные используемые методы – физический и психологический терроризм;
- политические цели – революционный, контрреволюционный, конфронтационный и мобилизационный терроризм;
- характер объектов воздействия – селективный и массовый (любое множество людей) терроризм;

- субъект действия – государственный и негосударственный терроризм;
- отношение субъектов терроризма к правящему режиму – проправительственный и оппозиционный;
- географический регион – европейский, латиноамериканский, ближневосточный и др. терроризм;
- характер используемых средств – традиционный (холодное и огнестрельное оружие, взрывчатые вещества) и технологический (новые средства поражения, в т.ч. радиоактивные материалы, высокотоксичные яды, биологические культуры и др.);
- специфика пространственных условий – наземный, воздушный и морской;
- идейно-политическая платформа – идеологический, националистический, религиозный терроризм со своими разновидностями.

Это перечисление можно продолжить, но это не главная наша задача. Многие из приведенных классификаций основаны на внешних признаках террористических актов и полезны в основном правоведам и сотрудникам сил безопасности. Наиболее содержательной с точки зрения политического анализа представляется типологизация видов терроризма по идейно-политическому содержанию. К идеологическому типу относят, как правило, «левый» (точнее, ультралевый) и «правый» (ультраправый) терроризм, которые питаются социальной и экономической неудовлетворенностью, несогласием значительной части общества с политическим курсом правящей элиты и психологической фрустрацией, прежде всего нарастанием личного отчуждения.

Современный левый терроризм (остановимся на этом устоявшемся названии) в Западной Европе возник в середине 60-х гг., сначала в Германии (протест против американской войны во Вьетнаме), а затем во Франции, Бельгии и Италии. Это немецкие группы «Фракция Красной армии» и «Революционные ячейки», французская «Прямое действие», итальянские «Красные бригады», бельгийские «Коммунистические боевые ячейки», греческая «17 ноября» и т.д. Их члены рассматривали себя как авангард народной революции (неомарксистской, неомоистской, анархистской и др.) и выступали

за немедленное разрушение существующей государственной системы и построение «более справедливого» общества, предлюдией к которому было уничтожение представителей власти и массовое запугивание населения.

Левые террористы в Европе и Японии испытали сильное влияние уругвайского Движения Тупака Амару²⁰, развернувшего в 60-х гг. настоящую войну в Монтевидео и выступавшего за «народный социализм»: национализацию и равное распределение экономических богатств, гарантированную занятость и социальные гарантии. Уругвайские «городские партизаны», в свою очередь, следовали философии и организационной модели бразильского коммуниста Карлоса Маригелы, который сформулировал свои взгляды в двух основных работах: «За освобождение Бразилии» и «Миниучебник городской герильи». Вместе с «Революционной войной» Че Гевары они уже в течение сорока лет активно используются террористическими группами самой разной направленности. По мнению Маригелы, основой революции является насилие. Его не следует каким-то образом структурировать, как не следует координировать действия различных боевых ячеек – основных отрядов революции. Любое насилие (имеющее, однако, необходимый символический характер) считается приемлемым, ибо создает атмосферу страха и потерянности среди правящих классов и их защитников, дестабилизирует правительственные институты. Когда власть поймет, что уже не контролирует ситуацию, она сама перейдет к репрессиям. Маригела верил, что народ поддерживает государство, так как не осознает его карательной природы: следовательно, государство нужно заставить проявить себя, чтобы вспыхнула народная революция. Теория «городской герильи» как нельзя лучше подходила террористам индустриально развитых стран.

Однако западные демократии продемонстрировали резерв прочности институтов гражданского общества и власт-

---

²⁰ Названо по имени героических вождей инков, возглавлявших борьбу против испанского господства в Перу: сам Тупак Амару погиб в 1572 г., но его имя принял Х.Г. Кондорканки, лидер крупнейшего восстания индейцев (1780-1783).

ных структур, разработав механизмы исправления ситуации; потенциальные сторонники экстремистских действий получили легальный политический выход. Потерпев политическое банкротство, европейские ультраправые связали себя с борьбой за освобождение Палестины. К 1995 г. большинство левых террористических групп сошли с политической сцены. Сегодня маоистские группировки активно действуют в Непале, стремясь поднять там антимонархическую революцию.

Правый терроризм обычно базируется на отрицании демократических институтов правового государства, яростном неприятии марксизма, расизме, религиозной нетерпимости, вере в существование тайных заговоров (например, еврейского финансового капитала и ООН против США) и стремится к изменению не существующей экономической системы, но способа распределения ресурсов и ценностей. В Западной Европе он первоначально возник как реакция на насилие ультраправых, но с 90-х приобрел новое измерение. В Германии, Австрии, Италии, Испании этот период ознаменовался бурным ростом неонацистских движений. Их акции носят в основном не массовый, а индивидуальный характер и направлены против евреев, русских, арабов, турок и других, «мешающих» коренному населению. Зачастую их сторонники организуют массовые беспорядки, участвуют в стычках с полицией, рассылают бомбы по почте. Неонацизм распространен также в Южной Африке и США. В американском правом терроризме в целом можно выделить: 1) группы, отстаивающие превосходство белой расы (Ку Клукс Клан, «Арийские нации», неонацисты); 2) поклонников апокалиптических культов, которые изолируют себя в военизированных поселениях в сельской местности и ожидают конца света;²¹ 3) груп-

---

²¹ Ряд подобных групп придерживается концепций Сайруса Скоффилда, в XIX веке выпустившего особую Библию с собственными комментариями, центральная идея которой – в конце времен спасутся лишь немногие избранные, остальные, да и вся планета погибнут в огне, который уничтожит землю в ходе семилетней всемирной войны.

пы «христиан идентичности»,²² создающих собственные милиции. По мнению экспертов, правый терроризм в современном мире превалирует над левым.

Этнический терроризм – один из самых распространенных видов терроризма в XXI в., что вполне объяснимо: этнический национализм обладает огромной властью и непредсказуемостью, а этнические конфликты превратились в реальную проблему для многих стран и регионов. В их основе – противоречие между признанием естественного права народов определять свою судьбу и принципом национального единства и территориальной целостности государства. Цель этнического терроризма – выковать этническую самоидентификацию, отстоять и расширить права этноса в политической сфере. Когда террористы, насилием утверждая этничность, вызывают на себя огонь государственных структур, это привлекает к группе внимание и позволяет им предстать в роли жертвы, что еще больше усиливает общественный интерес и в ряде случаев обеспечивает финансы и поддержку. Насилие – смысл существования таких групп. Пока оно осуществляется, идея жива, а идентичность и наличие этнических различий нельзя отрицать.

Страх – особый инструмент этнических террористов, который они умеют отлично пользоваться. С одной стороны, он заявляет о нелегитимности центральной власти в этническом анклав и подает другим этническим группам подается сигнал о нежелательности их присутствия на этой территории. С другой стороны, страх не позволяет этнической общности выработать альтернативную идентичность. Показательно, что в случае с этим видом терроризма государство ограничено в мерах противодействия. Так, оно может включиться в конфликт и постараться утвердить конкурирующую идентич-

---

²² Согласно их философии, белая Европа населена племенами, вышедшими из Израиля (белыми израэлитами); Тора – это история борьбы между ними и евреями-сатанистами (евреи ведут происхождение от греховной сексуальной связи между Евой и Дьяволом). Белые европейцы избраны Богом для того, чтобы возглавить арийские нации.

ность; может использовать силовые методы, но это имеет свою обратную сторону – приводит умеренных в лагерь террористов. Еще один вариант – постараться наладить сотрудничество с умеренными националистами, но у последних обычно нет возможности контролировать террористов. Наконец, можно включить террористов (которые в данном случае выступают как борцы за национальное освобождение) в легальный политический процесс, но это очень трудный выход, ибо в какой-то мере означает вознаграждение политического насилия.

Этнический терроризм имеет готовую аудиторию. Идеологические террористы должны фокусировать внимание на каком-то сегменте политического спектра, религиозные – обращаться к единоверцам, а этнотеррористы просто говорят своим последователям, что они – часть единого целого. В этом случае обычные контртеррористические операции мало что дают. Насилие – форма коммуникации террористов, и для успеха в борьбе и поддержания «пылающего огня» этничности угрозу насилия со стороны властей необходимо сохранять. Этнический терроризм, в отличие от идеологического, живет долго. Среди «своих» легче создать и поддерживать инфраструктуру, легче скрываться. Кстати, чем меньше этнотеррористы сосредоточены на других политических вопросах (т.е. кроме государственного статуса этноса и политического устройства страны), тем они сильнее, так как в этносе поддерживается высокий уровень сплоченности. К наиболее известным и долговечным случаям этой разновидности терроризма относится деятельность баскской ЭТА в Испании, Рабочей партии Курдистана в Турции, Ирландской революционной армии в Северной Ирландии, «Тигров освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке.

Религиозный терроризм стал теснить идеологический и этнический в последние два десятилетия XX века. Каким образом учения, основанные на идеалах справедливости и любви и не имеющие ничего общего с экстремизмом, могут быть использованы террористами? Как отмечает авторитетный специалист в области политической мифологии Дж.Кэмпбелл, люди приобщаются к духовной сфере через символы и мифы, но говорить о них вынуждены повседневным языком,

что создает опасность буквализации священного. Символ в этом случае уже не передает священный опыт, но сам становится опытом, то есть заменяет миф и превращается в объект поклонения. Согласно анализу Кэмпбелла, Бог, обещая народу Израилеву землю обетованную с реками молока и меда, подразумевает «священное пространство», где возможно познание высшей ценности – свободного общения Бога и человека. Однако, поскольку эта история передана обычным языком, ее цель трансформировалась, и священное место высокого общения превратилось в определенную географическую территорию – государство Израиль²³. При подобной интерпретации священного текста его можно подчинить националистическим и другим политическим целям.

По мнению известного политолога С.Хантингтона²⁴, угроза международному миру будет исходить из так называемых «разорванных стран» – тех, где на одной территории живут представители разных цивилизаций²⁵. Этот тезис много обсуждался и критиковался, но он, несомненно, имеет отношение к развитию насилия вообще и терроризма в частности. В рамках каждой культурной парадигмы существуют религиозные фанатики, которые готовы отдать жизнь ради высшей истины, распространяемой на мирскую социальную систему. Таким образом, США, которые после распада СССР остались единственной сверхдержавой, во многом определяющей характер современной системы международных отношений, неизбежно становятся мишенью религиозных террористов. С другой стороны, в самих США, традиционно принимающих людей самых разных культур, присутствуют условия для роста религиозной нетерпимости.

«Священный террор» имеет ряд важных особенностей. Во-первых, он несет в себе ценностную систему, которой нет в «светском» терроре. Обычные террористы хотят одержать победу в рамках доминирующего политического и культур-

---

²³ Campbell J. with B.Moyer. The Power of Myth. – N.Y.: Doubleday, 1998.

²⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? – «Полис», 1994, №1.

²⁵ Под цивилизацией Ф.Бродель понимал культурный ареал, собрание культурных характеристик и феноменов, А.Кребер – культуру, основанную на высших ценностях.

ного образца и стремятся не только к разрушению, но и созданию новых социальных структур. Религиозные фанатики видят мир как поле боя между силами света и тьмы. Их победа не имеет политических условий: противник должен быть уничтожен. Во-вторых, убийство для них – сакральный акт, а не только средство достижения цели. Например, исламисты называют в своих публикациях трагедию 11 сентября 2001 г. «битвой при Манхэттене». Главная цель «ваххабитских» группировок – борьба с «неверными», к которым относятся и мусульмане, отступившие от Корана. При этом возводится сложная система теологических доказательств, которая позволяет оправдывать убийство невинных людей, женщин, стариков, детей, в том числе и благочестивых. Боевиков египетской организации «Аль-Гамаа’ аль-ислямийа» учат, что им достаточно поститься два месяца вместо одного, чтобы снять грех, связанный с убийством невинного человека «по ошибке». В-третьих, поскольку религиозные террористы действуют как бы вне реальности, у них нет никаких сдерживающих факторов относительно масштабов насилия. Для тех, кто выполняет высшую волю, отождествляя себя с ней, жизнь простых смертных не имеет значения; когда конечный авторитет – Бог, не играет никакой роли и общественная оценка. В-четвертых, они верят, что их борьба и смерть, позволяющая достичь личного спасения, имеют космические последствия и в итоге изменяют ход истории.

Подавляющее большинство религиозных террористических организаций разделяют фундаменталистские идеи, которые развиты прежде всего в «религиях книги» – иудаизме, христианстве, исламе (это отнюдь не означает, что все фундаменталисты – сторонники вооруженного насилия). Среди наиболее известных групп можно назвать исламистские «Аль-Каиду» (международная структура), «Хезболлах», «Аль-Джихад аль-ислямий», ХАМАС (Палестина, Ливан), «Аль-Джихад», «Аль-Гамаа’ аль-ислямийа», военное крыло «Братьев-мусульман» (Египет), Вооруженные исламские группы, «Ан-Нахда», ХАМАС (Алжир), «Лашкар-э-тайба», «Джайш-и-Мохаммад» (Кашмир), иудаистские «Ках» и «Кахане цай».

В начале раздела мы говорили о тактическом характере существующих типологий терроризма. Проведенный анализ подтверждает эту мысль: с одной стороны, типологизация позволила зафиксировать основные идейно-политические контуры террористической активности, с другой – создала опасность «не заметить» ее существенных сторон. Дело в том, что в современном мире распространены композитные (смешанные) формы терроризма. Здесь имеется в виду не «сотрудничество» террористических организаций разной направленности (хотя оно существует), а сочетание во многих конкретных случаях идеологического, этнонационалистического и религиозного компонентов. Например, ИРА, ведущая борьбу за независимость Северной Ирландии, позиционирует себя как католическая организация (хотя по существу это не борьба за «истинность» религии, а конфликт за подчинение Бога националистическим мотивам) и выражает интересы определенных социальных групп, связанных прежде всего с традиционными укладами. Исламистские группировки на оккупированных территориях Палестины, сражаясь во имя веры, осуществляют и антиизраильскую национально-освободительную борьбу. В чеченском терроризме присутствуют националистическая, религиозная и уголовная (насилие со стороны криминальных структур и криминальный бизнес политических террористов) составляющие. Таким образом, типология может быть для нас ориентиром в изучении терроризма, но ей не под силу стать «ключом» к пониманию этого сложнейшего феномена.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма// Геополитика террора. М., 2002.
2. Витюк В., Эфирова С. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.
3. Проблемы национального самоопределения на современном этапе. М., 2000.
4. Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики. // Полис», 1998, № 3.

5. Новикова Г.В. Сильная стратегия слабых (Террор в конце XX века). // Полис, 2000, № 1.
6. Ольшанский Д.В. Психология террора. Екатеринбург, М., 2002.
7. Савинков Б. Записки террориста. М., 2002.
8. Сатановский Е. Глобализация терроризма и ее последствия // «Международная жизнь», 2001, № 9-10.
9. Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.
10. United Nations. Terrorism. 2000.
11. <http://www.inlink.com/~civitas/mun/res9596/terror.htm>

Глава 3. ТИПОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ)

Терроризм в Италии и Испании. Традиционалистский терроризм. Ультраправый терроризм. Ультралевый терроризм. Националистический терроризм. Литература.

Терроризм в Италии и Испании

Страны Южной Европы – прежде всего Италия и Испания принадлежат к числу тех стран, где террористическая активность достигла большого размаха и прошли обкатку различные виды терроризма. Исторически насилие и терроризм имеют здесь глубокие корни. Запоздалое по сравнению с развитыми странами Запада вступление на путь капиталистического развития, половинчатость и незавершенность буржуазных революций, в частности, нерешенность аграрного вопроса и существование латифундизма и огромных масс безземельного сельского населения, острота региональных проблем делали социальную почву в этих странах зыбкой и неустойчивой, порождали многочисленные общественные конфликты. Формы представительной демократии и гражданского общества не получили здесь достаточного развития. В политической жизни стран Южной Европы большую роль играли буржуазно-помещичьи круги и армия, устанавливавшие авторитарные режимы и использовавшие насильствен-

ные методы подавления трудящихся. Терроризм «верхов» порождал ответный терроризм «низов» (яркий пример – анархо-терроризм, широко распространившийся в конце XIX – начале XX вв.).

Террористическая традиция в Южной Европе не прервалась и во второй половине XX века. Выделяется Италия, которая приобрела печальную славу одной из самых террористических стран. Вооруженные нападения, взрывы бомб, убийства и похищения людей стали здесь обычным явлением. В послевоенные годы одним из важнейших источников, питавших итальянский терроризм, стали пороки политической системы «блокированной демократии», когда система чередования партий у власти оказалась заклиненной. Почти полвека монополией на власть обладала Христианско-демократическая партия (ХДП), менялись лишь ее младшие союзники – партнеры по коалиции. Столь долгое пребывание у власти способствовало колоссальному распространению коррупции, тесным связям с мафией. Ситуация усугублялась тем, что в стране действовали демократические нормы и выражения протеста не запрещались, отчего то и дело возникали кризисы доверия. За неполные пять десятилетий сменилось 53 кабинета министров, т.е. один кабинет правил менее 1 года. Психология временщика и необходимость покупать социальную поддержку породила легкость необыкновенную в отношении к государственным финансам и заказы на услуги мафии. Драматизм положению в Италии придавала также проблема крайне отсталого юга, кризис системы высшего образования, здравоохранения, жилищного строительства.

В стране нарастали настроения неудовлетворенности государственной системой, партиями, «обществом потребления» в целом. Недовольство особенно широко распространялось среди итальянской молодежи. В университетских городках создавалась специфическая микросреда, характеризовавшаяся категорическим неприятием установок и морали буржуазного потребительского общества, свободой нравов и полной раскованностью. Семья как институт утратила свою роль социализирующего органа, навязывающего подрастающему поколению модели поведения. Авторитет отца перестал быть непререкаемым. Свои представления молодежь черпала

уже не из опыта родителей, а из общения со сверстниками, а также из собственного негативного восприятия существующего общества. Примечательно, что молодые террористы вышли из разных социальных слоев. Их отцами были и рабочие-коммунисты, и крупные промышленники, и члены Христианско-демократической партии. Нигилизм молодежи не могли сдерживать и нормы католической церкви, табу католического сознания. Исследователи, устанавливающие связь между католическим воспитанием и взрывом левого экстремизма среди молодежи, обращают внимание на то, что католический религиозный мистицизм с его иррационализмом и жесткой догматикой способен преобразоваться в мистику революционного порыва.

Экстремистские идеи и лозунги пользовались влиянием также среди итальянских безработных и маргиналов, интеллигентов, переживавших духовный кризис. Определенную почву для формирования массовой базы терроризма создал промышленный «бум» 50-х – начала 60-х годов с его крутой ломкой и ликвидацией традиционных социальных слоев и возникновением новых, массовой миграцией населения из сельской местности в города, распадом сложившихся социальных связей и традиций.

Примерно те же социальные слои составили массовую базу терроризма в Испании, также пережившей, правда несколько позже, в 1960- начале 70-ых годов период промышленного «бума». В этой стране атаки террористов направлялись против авторитарного режима Франко, а после смерти диктатора стали выражением недовольства экстремистски настроенных групп населения характером и результатами процесса демократизации.

Терроризм в Италии и Испании последних десятилетий весьма разнообразен по характеру и ориентации, целям и окраске. Выделяются четыре типа терроризма: традиционалистский (мафиозный), ультраправый, ультралевый и националистический. Первые три формы терроризма наиболее рельефно проявились в Италии, четвертая – в Испании.

Традиционалистский терроризм

Данную разновидность терроризма представляет итальянская мафия. Этим трудно поддающимся переводу словом арабского происхождения была названа тайная организация, существовавшая на Сицилии. В первой половине XIX в. мафия представляла собой тайную организацию земельных арендаторов, которая использовалась латифундистами для подавления с помощью террора и репрессий крестьянских выступлений.

Но мафия – не только тайная организация, это еще и образ жизни населения Сицилии, сложившийся на почве крайне отсталого производства и социальных отношений, стойкого сохранения архаичных их форм и, в частности, латифундистской системы землевладения. Среди населения Сицилии издавна существовала своеобразная система представлений и моральных норм, использовавшаяся мафией, – преобладание «права сильного», гипертрофированные понятия о чести и эгоцентризме, семейной и клановой привязанности. Неписанные законы мафии значили для сицилийского крестьянина значительно больше, чем законы центрального правительства в Риме, которое вызывало у него враждебность как постоянный угнетатель, источник налоговых поборов, носитель чуждой культуры. Крестьянин предпочитал обращаться не к представителю центральной власти, а к главарю мафии, который говорил на понятном языке.

Исторически мафия имеет строгую строго иерархическую структуру, ритуалы и собственный кодекс чести. Один из важнейших ее атрибутов – закон «омерта» – негласное правило, по которому никто под страхом смерти не имеет права рассказывать властям о деятельности мафии и ее преступлениях.

Ломка традиционной аграрной структуры и развитие индустриально-урбанистического уклада сопровождались перемещением поля деятельности мафии в итальянские города – в сферу строительства, индустрию развлечений, торговлю наркотиками. Итальянские реалии, таким образом, показали, что мафия, вопреки распространенным представлениям, существует не только в отсталых районах и для ее искоренения достаточно стимулировать развитие экономики. Благоприятную почву для перемещения мафии из отсталой Сици-

лии на индустриально-урбанистический Север создало существование в социальной структуре итальянского общества обширных паразитических слоев. Демонстрируя удивительную жизнеспособность, мафия стала неотъемлемым элементом общественной системы Италии²⁶.

Еще в конце XIX – начале XX в. деятельность мафии вышла за пределы Италии. В то время из Сицилии и Южной Италии в США хлынул поток эмигрантов – бедных крестьян, среди которых были преследуемые законом члены мафии. На американскую почву переносились и организационные формы мафии. На базе землячества сицилийских эмигрантов возникла разветвленная мафиозно-гангстерская организация «Коза nostra», построенная на прочных основах американского рэкета и бизнеса. Мафия превратилась в своего рода «государство в государстве», мощную группу давления, влияющую на разные сферы жизни общества.

В 40-ые годы еще до окончания второй мировой войны начался массовый «реэкспорт» американских гангстеров итальянского происхождения из США в Сицилию. Министерство юстиции США приняло решение выслать из страны на родину гангстеров итальянского происхождения. Таким образом, сицилийская мафия получала обратно свои кадры, основательно ознакомившиеся и взявшие на вооружение бандитские методы бизнеса и современную технику американского гангстеризма. Между двумя ветвями мафии с тех пор установились прочные связи, мафия превратилась в мощную силу международного масштаба. Завоевание американизированной мафией позиций в Италии и, в частности, на Сицилии сопровождалось бесконечными кровопролитными стычками с мафией традиционной, а в дальнейшем – постоянными войнами между мафиозными «семьями».

Итальянская мафия стала мощной экономической и политической силой. Она получала колоссальные доходы от торговли наркотиками и создала собственную криминальную промышленность. Именно огромные финансовые ресурсы дали мафии возможность прямо вторгаться в сферу политики.

---

²⁶ Лисовский Ю.П. Терроризм в Италии. – Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. М., 1997, №4, с.38-40

С помощью коррупции она проникла в государственные и правоохранительные органы, полицию, систему судопроизводства, срослась с правившей в Италии Христианско-демократической партией.

На счету мафии масса преступлений – убийств, террористических актов, похищений людей, шантажа и вымогательств и т.д. Преступная деятельность мафии направлялась прежде всего против демократического движения. Она напала на профсоюзные организации, палаты труда, убивала прогрессивных деятелей. Существование мафии наложило глубокий отпечаток на всю общественно-политическую жизнь Италии, способствуя разрушению моральных устоев общества, подмене гуманистической морали мафиозной этикой, росту недоверия к государству, цинизму, жестокости, процветанию паразитических слоев.

В послевоенные десятилетия итальянская мафия действовала с разной степенью интенсивности. Так, 80-ые годы ознаменовались чередой мафиозных убийств. 6 января в Палермо был застрелен президент областного правительства Сицилии Пьерсанте Матарелло. Никогда до этого мафия не убивала политиков столь высокого ранга. Матарелло – член Христианско-демократической партии разоблачал связи этой партии с мафией и требовал изменения методов руководства жизнью общества. Летом 1980г. мафия застрелила прокурора республики в Палермо Гаэтано Коста. 30 апреля 1982г. был убит депутат парламента, коммунист, известный борец с мафией Пио Ла Торре, автор законопроекта о конфискации имущества мафиози и их сообщников (законопроект был одобрен парламентом уже после гибели Ла Торре). 3 сентября 1982г. был убит префект полиции, генерал карабинеров Далла Кьеза, сыгравший исключительно важную роль в разгроме ультралевой группировки «Красные бригады». Далла Кьеза разработал план активной борьбы с мафией, основанный на выявлении и экономической блокаде мафиозных капиталов. Однако его план не нашел поддержки ни у представителей центральной власти в Риме, ни в Палермо со стороны многих коррумпированных и связанных с мафией чиновников. 25 января был застрелен заместитель прокурора по округу Трапани Джакомо Монтальто. В операции участвовали пятеро

киллеров, которые затем были переправлены в США и там убиты, чтобы скрыть следы организации преступления.

Дом правосудия в Палермо превратился в осажденную крепость. Карабинеры неотступно охраняли работников прокуратуры, следователей и судей, снискавших ненависть мафии. «В Сицилии государство – это горстка осажденных людей, – говорил старейшина следователей городского суда Палермо советник юстиции Роко Киничи. – Достаточно выйти из Дворца правосудия, и сразу оказываешься среди кривых переулков города, где можешь в любое время стать жертвой насилия. Заказное убийство стоит здесь гроши. Те, кто вступил на путь борьбы против мафии, оказываются совершенно одиноки и беззащитны».

Под руководством Киничи представители правосудия Палермо сплотились в борьбе против мафии. Руководство мафии приняло решение ликвидировать Киничи. Осуществить это было нелегко, так как Киничи постоянно сопровождал десяток охранников, и он сократил до минимума свои передвижения. Тогда мафиози пошли на крайние меры. 29 июля в момент, когда Киничи выходил из подъезда, был взорван и взлетел на воздух стоявший у подъезда Дворца правосудия автомобиль, начиненный 50 кг тринитротолуола. Киничи был убит на месте. По делу об его убийстве были привлечены к следствию два известных мафиози. Но уже в 1986г. кассационный суд аннулировал приговор. Распространялись слухи, что родственники Киничи, настаивавшие на расследовании дела, подвергались шантажу и угрозам.

11 февраля 1986г. в Палермо начался грандиозный, самый крупный в истории судебный процесс над мафией. Рассматривались дела 474 мафиози. Следственные материалы по этому делу насчитывали свыше 600 тыс. страниц. Расследование основывалось на показаниях примерно трех десятков «покаявшихся» мафиози. В специально оборудованном зал-бункере было установлено 30 пуленепроницаемых клеток, где помещались 210 подсудимых. Три клетки были отведены для «покаявшихся», которых нельзя было содержать со всеми остальными. 305 подследственных находились под домашним арестом. В ходе процесса было отклонено требование заслушать показания ряда крупных политических деятелей

Италии, в том числе министров Джованни Спадолини и Джулио Андреотти. Надолго затянувшийся судебный процесс завершился 17 декабря 1987г. приговором 19 мафиози к тюремному заключению.

Новый этап борьбы с мафией начался в 1992г., когда группу работавших в Палермо следователей возглавил мужественный и сильный человек – следователь Антонио Ди Пьетро. Он развернул операцию против коррупции и мафии, которая получила наименование «Чистые руки» и приобрела огромную популярность среди широких масс населения.

Толчком к началу операции стал арест в Милане в феврале 1992 г. одного мелкого политического деятеля – социалиста по обвинению в получении взяток за размещение контрактов. Расследование выявило коррупцию чудовищных масштабов, в которой были замешаны, в частности, мэр Милана Пьеро Боргини, а также крупнейший магнат, предприниматель в области строительства, пятый человек в Италии по размеру состояния Сальваторе Лигрести. К следствию были привлечены семь министров, в том числе лидер социалистов Беттино Кракси, который был вынужден уйти с поста секретаря социалистической партии. Общие результаты операции «Чистые руки» были таковы: арестованы 1456 предпринимателей, государственных чиновников, местных политических деятелей (при этом что члены парламента пользовались иммунитетом и не подлежали аресту); привлечены к следствию 3026 предпринимателей, государственных чиновников, политических деятелей, в том числе 251 член парламента и четверо бывших премьер-министров; покончили с собой 10 подозреваемых по ходу расследования.

В ноябре 1993г. президент Италии Оскар Луиджи Скальфаро, которого самого обвинили в махинациях, призвал по телевидению прекратить кампанию «Чистые руки», ведущую, по его словам, страну к полному развалу. Сходную позицию занял премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, к могущественной империи которого все ближе подбирался Антонио Ди Пьетро, превратившийся к этому времени в народного героя. Стало совершенно очевидно, что у итальян-

ских властей нет сильного желания и воли решительно бороться с коррупцией²⁷.

На примере Италии отчетливо видно, что традиционалистский терроризм мафиозного типа весьма специфичен и существенно отличается от ультраправого и левацкого терроризма, которые рассматриваются ниже. Вместе с тем этот тип терроризма чрезвычайно живуч и устойчив, способен к модернизации и адаптации к новым условиям. Благодаря ему в массовом сознании постоянно воспроизводится идея насилия, представление о бесконечно малой ценности человеческой жизни и создается благоприятная социально-психологическая почва для эскалации других видов терроризма.

Ультраправый терроризм

Итальянский фашизм потерпел поражение во Второй мировой войне. Однако уже в первые месяцы после ее окончания в стране начали действовать мелкие группы неофашистов. Объединенные ненавистью к демократам и коммунистам, они восхваляли Муссолини и его режим. Неофашисты совершали акты вандализма на могилах павших в борьбе антифашистов, малевали фашистские эмблемы и лозунги на стенах домов. Наиболее шумными акциями этих групп были захват римского радио весной 1946 г. и последовавшее вскоре после этого похищение с кладбища полуразвалившегося трупа Муссолини, укрытого затем в надежном месте. Возмущение общественного мнения этим похищением было огромным; вскоре полиция обнаружила труп дуче.

В декабре 1946 г. неофашисты создали легальную партию «Итальянское социальное движение» (ИСД), превратившуюся в центр объединения всех реакционных сил. Генеральным секретарем партии стал Дж. Альмиранте, имевший безупречное, с фашистской точки зрения, прошлое. В годы диктатуры он был ответственным секретарем расистского журнала «В защиту расы», затем – помощником министра культуры. В руководящее ядро партии вошли бывший заместитель секретаря римской федерации фашистской партии А.

---

²⁷ Ю.П. Лисовский. Указ. соч., с.50-54

Микелини, журналист Д.Пини, издавший «словарь Муссолини», который состоял из тысячи «исторических» высказываний дуче. Первым почетным президентом ИСП стал князь Валерио Боргезе, бывший командир 10-й флотилии торпедных катеров, «прославившийся» зверскими расправами над партизанами.

Итальянское социальное движение открыто не называло себя фашистской партией – прямая апология режима Муссолини могла привести к запрету партии: Учредительное собрание приняло закон о запрещении фашистской партии и против попыток ее возрождения. ИСП определяла себя весьма туманно и обтекаемо как «политическая организация, вдохновляемая этической концепцией, имеющей целью защищать интересы и достоинство итальянского народа и стремящейся к воплощению социальной идеи в ее непрерывной исторической преемственности». Главная задача партии, по крайней мере на начальном этапе, заключалась в том, чтобы собрать воедино всех, «кто продолжал верить» (в фашизм) и «кто непреклонно стремился к реваншу» (свержению демократии). Главный идеологический принцип – борьба против коммунизма.

Во внешних атрибутах ИСД сквозило стремление, хотя и в замаскированной форме, подчеркнуть свою связь с режимом Муссолини. Заглавные буквы названия партии (по-итальянски МСИ) должны были напоминать сокращенную фамилию Муссолини. Еще более откровенно выглядел ее символ: пламя, окрашенное в три цвета итальянского знамени, вырывающееся из черного гроба (как объясняли сами фашисты – гроба Муссолини)²⁸.

В конце 1947г. неофашисты приступили к прямым подрывным действиям. В октябре состоялась их манифестация у здания Учредительного собрания в Риме. В ноябре были совершены нападения на активистов рабочих партий, подброшены бомбы в помещения коммунистической и социалистической партий. ИСД щедро финансировалось крупнейшей организацией промышленников – Конфиндустрией. Спустя

---

²⁸ Г.С. Филатов. Демократические силы Италии против неофашизма. М., 1977, с.51

несколько лет после возникновения ИСД в Италии насчитывалось уже свыше 2 тыс. неофашистских ячеек, издавалось около 30 неофашистских газет и журналов, имела свою профсоюзную организацию – «Итальянскую национальную организацию профсоюзов трудящихся», свою молодежную организацию – «Молодая Италия». На парламентских выборах 1953г. ИСД получила 1,5млн. голосов (5%) и провела в парламент 29 депутатов и 9 сенаторов.

С самого начала в ИСД сложились два крыла – «экстремисты», которые пытались свести деятельность партии почти исключительно к террору и к борьбе за свержение существующего режима, и так называемые умеренные, которые, не отказываясь в принципе от этих целей, считали также полезным максимальное использование легальных методов борьбы. Возобладали последние. В 1954г. был избран новый генеральный секретарь ИСД «умеренный» Микелини. Альмиранте возглавил крыло «непримиримых». В 1957г. «непримиримые» вышли из партии и создали собственную организацию «Новый порядок», превратившуюся в центр подготовки молодых неофашистов к непосредственным террористическим действиям. В годы холодной войны власти в лице прежде всего христианско-демократической партии не препятствовали созданию все новых профашистских организаций и появлению на свет газет и журналов, прославлявших фашистское двадцатилетие.

Помимо легальной партии неофашисты располагали широкой сетью полуполигальных и нелегальных террористических групп. Связь ИСД с подпольными группами осуществлялась через молодежную неофашистскую организацию «Молодая Италия».

В июне 1969 г. к руководству ИСД на смену умершему Микелини вновь пришел Альмиранте, находившийся в «опозиции» к партийному руководству и критиковавший его за «мягкотелость» и «умеренность». Альмиранте добился примирения «умеренных» и «экстремистов». В политике ИСД легальные методы борьбы стали более тесно координироваться с методами террора и насилия. Однако Альмиранте удалось объединить далеко не всех неофашистов. Суще-

вали и другие неофашистские организации – «Национальный фронт», «Национальный авангард», «Новый порядок»²⁹.

Постоянно прогрессирующая активность неофашистов достигла своего апогея в 1969-1974 гг., когда Италия пережила полосу черного террора. Вот только некоторые из террористических акций, проведенных в те годы. 25 мая 1969 г. мощный взрыв произошел на Миланской ярмарке. 8-9 августа взорвалось несколько бомб в поездах. 12 декабря страшный взрыв произошел в Милане в здании сельскохозяйственного банка – 16 убитых, 88 раненых. 28 мая 1974 г. – «побоище в Брешиа». Во время многолюдного митинга здесь взорвалась бомба, заложенная в мусорную урну, – 8 человек убиты и 90 ранены. 4 августа – новый взрыв в пассажирском экспрессе «Италикус» возле Болоньи – 12 убитых, 58 раненых. В общей сложности в период с конца 1969 г. по начало 1974 г. в результате деятельности правых и фашистских террористических групп было взорвано более 400 бомб, убиты 59 человек и свыше 400 ранены.

Террор ультраправых стал в известной степени реакцией на силу итальянского рабочего и демократического движения, демонстрацией которого были электоральные успехи Итальянской коммунистической партии (ИКП) и массовые выступления трудящихся (к примеру, «жаркая осень» 1969 г.). Неофашистский террор ставил своей целью спровоцировать левых на ответные действия и развязать тем самым гражданскую войну. В этом случае, по их мнению, власти вынуждены будут ввести в стране чрезвычайное положение, что означало бы передачу гражданской власти армии, введение законов военного времени и запрет всех политических партий. В конечном счете это приостановило бы процесс демократизации страны, рост влияния левых сил и в перспективе могло бы привести к реставрации фашизма в каком-то новом обличье.

Таким образом, основную ставку неофашисты делали на вмешательство армии в политический процесс. На страницах неофашистской печати все чаще превозносилась доблесть армии и особенно ее специальных частей. Настойчиво пропо-

---

²⁹ Б. Лопухов. Неофашизм: опасность для мира. М., 1985, с.43

ведовался культ супермена–парашютиста, способного силой оружия и «сознанием собственного превосходства» подчинить себе «толпу». Военной элите отводилась роль «обновителя» и «оздоровителя» общества. Посредничество политиков между государством и гражданским обществом объявлялось излишним³⁰.

Вместе с тем в определенных кругах военных разрабатывались своего рода встречные планы. Летом 1964г. в Италии, как выяснилось позднее, готовился военно-фашистский государственный переворот. Его должен был возглавить начальник корпуса карабинеров генерал Де Лоренцо. Однако он был разоблачен и уволен со своего поста, после чего немедленно вступил в ИСД. В 1970 г. «черный князь» Валерио Боргезе при активном содействии определенных кругов армии готовил новый путч с целью установления диктатуры фашистского типа, однако в последний момент по неясным до конца обстоятельствам вынужден был отказаться от своих планов. В 1974 г. был разоблачен план очередного государственного переворота и арестованы более 20 крупных военных чинов, в том числе генерал В. Мичели, до 1974 г. возглавлявший военную разведку. Но уже в 1976 г. он вновь оказался на свободе и был избран депутатом парламента от неофашистской партии.

В середине 1974 г. неофашистский террор резко пошел на спад. Большую роль в этом сыграло массовое антифашистское движение, не оставившее без ответа вылазки неофашистов и заставившее их уйти с улиц и площадей. Эстафету терроризма приняли левые экстремисты. Ультралевый терроризм

В годы разгула ультраправого терроризма параллельно с ним и в известной степени как ответ на него разворачивалась деятельность разнообразных левозэкстремистских организаций и групп. Рост ультралевого терроризма – помимо тех факторов, питавших экстремистскую активность, о которых уже говорилось, был связан еще с одним обстоятельством –

---

³⁰ Г.С. Филатов. Указ. соч., с.95

позицией Итальянской компартии (ИКП). Эта самая мощная в западном мире компартия во второй половине 50-х годов начала дистанцироваться от КПСС, подвергнув критике идеи диктатуры пролетариата и пролетарского интернационализма. ИКП взяла на вооружение концепцию еврокоммунизма, ориентированную на создание в Италии модели социализма, полностью отличающейся от модели, существующей в СССР и странах Восточной Европы и основанной на политическом и идеологическом плюрализме, примате электоральных парламентских форм борьбы. После того, как в конце 60-х годов ИКП исключила из своих рядов левацкую группу «Манифесто», слева от нее в политическом спектре образовалось множество левацких групп и организаций – от сравнительно умеренных до откровенно экстремистских, готовых к агрессивным актам террора и решительно осуждавших политику компартии и электоральные парламентские методы борьбы.

Социальное лицо этих групп «новой левой» определяли главным образом студенты и маргиналы. Они испытывали влияние марксизма. Но это был особый, своеобразный, отчасти еретический, отчасти вульгаризованный марксизм, резко отличавшийся от ортодоксального. Молодое поколение восхищалось борющимся Вьетнамом, Че Геварой и «культурной революцией» и считало унижительным конформизм общества, построенного на иерархических и дисциплинарных началах. С 1968 г. в некоторых кругах левой интеллигенции начала вызревать идеология насилия, велось теоретическое обоснование его необходимости, правомерности и оправданности³¹. Теоретики левого экстремизма создавали обобщенный образ репрессивного государства-угнетателя и стремились к его уничтожению. Псевдомарксистская ветвь в левом экстремизме переплеталась с анархистской, для которой был характерен тотальный нигилизм, деструктивизм, антиинституционализм, культ стихийности. В умонастроениях анархистского терроризма нашла рельефное отражение психология люмпенов и маргиналов.

Левозэкстремистские организации росли как грибы. К началу 70-х годов в Италии существовало множество групп и

---

³¹ Ю.П. Лисовский. Указ.соч., с.65-66

организаций «новых левых» самых разных направлений и оттенков. Среди них можно назвать «Лотта континуа», «Рабочую автономию». Самой активной и мощной террористической группой стали «Красные бригады». Особую роль в их создании сыграл социологический факультет Трентского университета, находившийся под сильным влиянием «новых левых». На этом факультете в конце 60-х годов учились некоторые исторические лидеры «Красных бригад». С 1969 г. группа, составлявшая первоначальное ядро этой организации, стала предпринимать попытки внедриться в рабочее движение с целью его «радикализации» и создания автономных организаций в противовес традиционным. В первой половине 70-х годов «красные бригады» осуществляли различного рода диверсии: поджоги автомобилей, грабежи, похищения.

Анархистский терроризм в Италии был представлен «Рабочей автономией». Сам этот термин выражает маргиналистское неприятие всего на свете – государства, политики и политической борьбы (борьба должна вестись стихийно на улицах), партий, культуры, моральных и социальных норм и т.д. Термин «автономия» в названии организации означал «отделение от всех и от всего», но прежде всего – это «автономия» от рабочих партий, профсоюзов, вообще от организованного рабочего движения³².

В середине 70-х годов в деятельности итальянских ультралевых обозначился новый этап – они перешли к вооруженным методам борьбы. Этот сдвиг в их политическом поведении был связан с изменениями во внутривнутриполитической ситуации. На состоявшихся в 1976 г. парламентских выборах Итальянская компартия собрала 34,4% голосов, на 4,3% меньше, чем ХДП. Однако ИКП вновь не смогла войти в коалицию правящих партий и выдвинула лозунг исторического компромисса, предполагавшего возможность сотрудничества коммунистов и католиков в деле оздоровления страны. В этот момент в Италии разразился очередной громкий скандал о взяточничестве – так называемое дело «Локхид», в ходе которого среди политиков самого высокого ранга обнаружилась

---

³² В.В. Витюк, С.А. Эфирова. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987, с.183

коррупция невероятных масштабов. И без того не пользовавшееся высоким моральным авторитетом правительство во главе с ХДП оказалось еще больше скомпрометированным. А ИКП экстремисты обвинили в оппортунизме и предательстве революции. На роль руководителей «новой левой» выдвинулись убежденные сторонники и идеологи боевых террористических действий – А. Негри, О. Скальцоне, Ф. Пиперно.

К 1976-1977 гг. левозэкстремистское движение оформилось в качестве вооруженной партии, готовой убивать. Началось с актов так называемой «гамбизации», т.е. стрельбы в ноги, в результате которой были ранены многие журналисты, судьи, руководители предприятий. Цель состояла в том, чтобы запугать общественное мнение. Затем последовала целенаправленная кампания выборочных убийств с тщательно разработанной тактикой и технологией.

«Красные бригады» ориентировались на непрерывную эскалацию напряженности и насилия с тем, чтобы демократическое государство превратилось в авторитарное и репрессивное государство, против которого можно было бы развязать гражданскую войну. «Мы хотим войны», – прямо заявляли апологеты терроризма в конце 70-х годов. Война была желанной целью и средством, и оправданием. Ведь если идет война, практика массовых убийств из преступления превращается в неизбежность, а арестованные террористы из преступников – в военнопленных. Слова «гражданская война» и просто «война» не сходили с языка террористов.

По некоторым данным, в Италии в 1977 г. существовало 156 террористических групп, в том числе 97 левозэкстремистских. В 1977 г. было зарегистрировано 2128 террористических актов, в том числе 553 покушения на жизнь; убитых – 31, раненых – 377. В 1978 г. число террористических актов – 2365, покушений – 871, убитых – 37 человек.

Красный по названию, черный по сути, террор ультралевых трудно было отличить от террора неофашистов, особенно если никто не брал на себя ответственности за террористические акты. Активность левых террористов часто переплеталась с активностью ультраправых, что усугублялось сознательно проводившейся неофашистами инфильтрацией в ультралевые группы. Наряду с названиями террористических

групп, не оставляющими сомнения насчет идеологии, было много таких, которые можно легко отнести как к ультралевым, так и ультраправым. Вот, например, названия двух ультралевых групп: «Революционное действие», «Вооруженная пролетарская группа». А вот названия двух ультраправых групп: «Революционная команда», «Вооруженные революционные группы»³³.

Апогеем деятельности левых террористов стало похищение и убийство весной 1978 г. лидера Христианско-демократической партии Альдо Моро, осуществленное «Красными бригадами». Моро был похищен за несколько часов до того, как должен был подписать соглашение о парламентском союзе между христианскими демократами и коммунистами. Задачей «красных бригад» был срыв этого соглашения.

К моменту похищения Моро террористы из «Красных бригад» уже совершили немало убийств. Однако похищение Моро – человека, пользовавшегося всеобщей известностью, и его жестокое убийство – это было чем-то из ряда вон выходящим. Беззащитного человека расстреляли в упор автоматными очередями в багажнике автомобиля после того, как в течение двух месяцев он находился в заточении и под конец, накануне казни, обманут надеждой на спасение. Садистской жестокостью по отношению к родным Моро было опубликование «Красными бригадами» коммюнике, в котором они сообщали (когда он был еще жив), будто Моро уже убит и его тело брошено в озеро в окрестностях Рима.

Барварская жестокость террористов по отношению к Моро вызвала в итальянском обществе подлинный шок. Симпатии к ним со стороны некоторых слоев населения стали сменяться отвращением. Хотя в последующие три года активность террористов продолжалась, период подъема движения закончился.

В течение 1979 г. ряд руководителей «Красных бригад» оказались за решеткой. Суд над ними выявил, что организация находится в состоянии полного внутреннего распада. Среди арестованных участников организации развернулось

---

³³ Б.Лопухов. Указ.соч., с.65

движение пентити – «покаявшихся». Нравственно сломленные, выбитые из привычной колеи бесконечной чередой жестоких убийств, террористы стали давать откровенные показания, раскрывать секреты структуры организации, называть имена участников.

Окончательно «Красные бригады» были разгромлены после похищения в Вероне одного из важнейших офицеров представительства США в НАТО генерала Доузера. Он находился в заключении более месяца, но затем был освобожден при не вполне ясных обстоятельствах – по-видимому, в результате совместных действий мафии и американской разведки. После этого полиция провела ряд массовых арестов, покончивших с «Красными бригадами».

Националистический терроризм

Яркий представитель данной разновидности терроризма – баскская организация ЭТА (Эускади Та Аскатасуна – Страна Басков и Свобода). Образованная в 1959 г., ЭТА – своего рода долгожитель в мире терроризма. Ее действия уже несколько десятилетий держат Испанию в напряжении и вызывают порой острые политические кризисы. На счету ЭТА – свыше 800 убитых, 2 тыс. раненых и десятки похищенных. К этому следует добавить целые семьи, вынужденные покинуть Страну Басков, предпринимателей и мелких торговцев, с которых взимается революционный налог, и множество людей, которым угрожают террористы, – политиков, журналистов, судей³⁴.

Феномен ЭТА невозможно понять без хотя бы краткого рассмотрения особенностей развития баскского национализма, взаимоотношений между Страной Басков и центральной властью Испании.

Баски населяют Западные Пиренеи и побережье Бискайского залива. В Стране Басков они проживают в Бискайе – исторической области, объединяющей провинции Бискайя, Гипускоа и Алава, а также в северных районах Наварры. Во

---

³⁴ I. Sanches-Cuenca. ETA contra el Estado. Las estrategias del terrorismo. Barcelona, 2001, p.9.

Франции баски населяют области Суль, Лабур и Нижняя Наварра, входящие в состав департамента Атлантические Пиренеи и лежащие на границе с Испанией. Исторически баски, проживавшие южнее Пиренеев, отличались от других народов, населяющих Испанию, языком, принадлежащим к индоевропейской группе и очень трудным для усвоения чужаками, а также существовавшим с XIII в. специфическим режимом политико-административного управления, предоставившим им определенную самостоятельность (права и обязанности басков фиксировались специальными документами – фуэрос). Отмена фуэрос в 1876 г. обозначила новый этап в отношениях басков с центральной властью, стимулировав формирование местного национализма. Отношения с центром достигли наибольшей остроты в годы франкистской диктатуры, которая упразднила завоеванную в период республики (1936 г.) автономию Страны Басков, жестоко преследовала их язык, культуру и традиции. Появление ЭТА стало реакцией части молодежи на подавление национальных чувств басков. Не видя иных способов политического самовыражения, молодые баски встали на путь вооруженной борьбы с франкизмом.

Первоначально ЭТА определяла себя как «патриотическую и демократическую организацию». Однако в дальнейшем под влиянием национально-освободительной борьбы в Алжире, Вьетнаме, на Кубе этаровцы взяли на вооружение марксистские идеи, заняли прокоммунистические и антиимпериалистические позиции. В 1967 г. ЭТА заявила о себе как о «социалистическом движении басков за национальное освобождение»³⁵. Ставилась задача освободить басков «от испанского ига» и создать независимое социалистическое государство из испанских и французских провинций, населенных басками. Радикальный национализм и социалистические идеи сочетались с католическим рвением (хотя члены организации заявляли о ее неконфессиональном характере). ЭТА испытывала влияние той части баскского клира, которая стояла в оппозиции к франкизму и официальной католической церкви.

---

³⁵ Fusi J.P. El País Vasco. Pluralismo y nacionalidad. Madrid, 1994, p. 211.

Борясь террористическими методами с франкистским государством, этаровцы стремились вовлечь его в противоборство по схеме «акция – репрессия – акция». Согласно этой схеме, ЭТА, осуществив покушение, провоцирует государство на репрессии, которые усиливают поддержку организации среди населения и позволяют перейти к новым покушениям, вызывающим в свою очередь новую волну репрессий. Эта своеобразная спираль насилия должна была, по мысли этаровцев, завершиться революцией. Действия ЭТА, равно как и других экстремистских группировок, контрастировали с установками большинства организаций антифранкистской оппозиции. В обстановке экономического подъема 60-начала 70-х годов и распространения в обществе умеренных, компромиссных настроений, стремления избежать ужасов гражданской войны 30-х годов, основные отряды антидиктаторской оппозиции ориентировались на мирные, ненасильственные формы борьбы с режимом и не разделяли установок ЭТА. Однако жестокое преследование франкистскими властями членов организации меняло отношение к ней даже тех слоев населения, которые первоначально были настроены к ней недружелюбно.

Крах франкизма и переход Испании к демократии, казалось бы, создали условия для прекращения деятельности ЭТА – ее самороспуска и интеграции членов в испанское общество (всем политзаключенным, в том числе и членам ЭТА, была предоставлена амнистия). Действительно, Конституция Испании и особенно конкретизировавший ее Статус автономии предоставили Стране Басков такой объем прав и полномочий, который она никогда не имела в своей истории, включая столетия до отмены фуэрос и период Народного фронта (1936-1937 гг.). Согласно Статусу, создавалась баскская автономия, включавшая Алаву, Гипускоа, Бискайю и Наварру. Баски определялись как национальность. Статус признавал равенство баскского и кастильского (испанского) языков, право басков иметь собственное правительство и парламент, избираемый всеобщим голосованием и формируемый одинаковым числом представителей каждой провинции, создавать собственную систему образования, здравоохранения и социального обеспечения. Развивая Статус автономии, испанское прави-

тельство дало согласие на создание местной полиции и на фискальную автономию баскских провинций.

Однако ЭТА не отказалась от вооруженной борьбы с испанским государством, считая его своим основным врагом независимо от существующего в нем политического режима. Испанец для этаровцев – синоним иностранца, представитель силовых структур государства – оккупант. Противоборство с государством на этапе демократизации этаровцы определяли как войну на истощение. Они убивали для оказания давления на государство с тем, чтобы ему не оставалось ничего другого как удовлетворить их требования. В 70-80-х годах основным объектом покушений были представители армии и сил безопасности, олицетворяющие для боевиков силы, которые оккупируют Страну Басков. Однако в 90-е годы прогрессирующее ослабление ЭТА побудило ее расширить границы допустимого. Под прицелом ее оказались теперь и политики из ведущих партий Испании, покушения на которых были легко осуществимы и оказывали сильное воздействие на общественное мнение. Росло и количество жертв среди рядовых граждан, страдавших от взрывов машин, начиненных взрывчаткой (так называемые машины-бомбы).

Свое организационное ослабление ЭТА компенсировала и посредством «терроризма малой интенсивности» (по полицейской терминологии), не сопровождающегося человеческими жертвами, но вызывающего огромное напряжение в Стране Басков и соседних регионах. В данном случае этаровцы опираются на свою молодежную организацию Харраи, которая с середины 90-х годов развязала настоящий террор на улицах баскских городов по типу интифады. Активисты этой организации избивают полицейских стальными прутьями и забрасывают бутылками с зажигательной смесью, поджигают автомобили и городские автобусы, филиалы государственных организаций и банков, бьют витрины магазинов и баров.

ЭТА опирается на отнюдь не малочисленный слой поддерживающих и сочувствующих. Многими нитями – родственными, дружескими она связана с баскским обществом. За партию Батасуна (до 2001 г. Эрри Батасуна), считающуюся ее легальным политическим крылом, на местных выборах голосуют от 150 до 250 тыс. человек. В августе 2002 г. основные

партии Испании проголосовали в парламенте за запрет Батасуна, что вызвало массовые протесты ее сторонников. Наэлектризованная ситуация в автономной области потенциально чревата непредсказуемыми последствиями национального масштаба.

В рядах испанской общественности отсутствует единое мнение относительно того, как решить сложнейшую «проблему ЭТА». Развертываются острые дискуссии относительно того, каковы легальные пределы применения силы по отношению к террористам, возможны ли какие-либо переговоры с ними. Пытаясь решить проблему баскского терроризма, испанские власти использовали самые разные варианты – от диалога до отказа от любых контактов и тотального подавления.

Для Страны Басков вряд ли подходит итальянский опыт ликвидации «красных бригад». В Италии победа над террористами была достигнута, когда волна жестокости и преступлений достигла предела, вызвав ужас и моральное осуждение общества. Преступления ЭТА периодически вызывают аналогичную реакцию и в Стране Басков. Однако в специфической баскской ситуации экстремисты, неся потери в массовой базе, продолжали и продолжают находить опору в обществе. Преодоление «феномена ЭТА» может лежать в иной плоскости – в политической воле лидеров ЭТА и испанского правительства, в их обоюдной готовности достичь устойчивого взаимоприемлемого компромисса.

Литература

1. Витюк В.В., Эфирова С.А.. Испания. Италия. // «Левый» терроризм на западе: история и современность. М., 1987.
2. Комолова Н.П.. Гибель Альдо Моро // Новая и новейшая история. 1981. № 3.
3. Лисовский Ю.П.. Мафия и современный итальянский капитализм // Новая и новейшая история. 1977. № 3,4.
4. Лисовский Ю.П.. Терроризм в Италии // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. М., 1997, № 4.
5. Лопухов Б. Неофашизм – опасность для мира. М., 1985.

6. Современная Испания. М, 1983.

7. Филатов Г.С. Демократические силы Италии против неофашизма. М., 1977.

8. Хенкин С.М.. Испания после диктатуры. Социально-политические проблемы перехода к демократии. М., 1993.

Глава 4.

ИСТОКИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ТЕРРОРИЗМА

Ситуация на Ближнем Востоке. Палестинский вопрос. Межарабские противоречия. Революционный Иран и «экспорт исламской революции». Литература.

Ситуация на Ближнем Востоке

Ближний Восток – один из самых взрывоопасных регионов мира, где в тугой узел переплетены сложнейшие социально-экономические, национально-территориальные, конфессиональные, геополитические и иные проблемы. На этом фоне терроризм стал привычной формой выражения конфликта. Чтобы осмыслить его генезис, логику и структуру, необходимо зафиксировать ряд существенных в контексте изучаемого вопроса моментов:

- Современные границы ближневосточных государств и характер политических режимов во многих из них – прямой результат колониальной политики европейских держав в XIX в. и итогов двух мировых войн;
- Арабские политии представляют собой традиционные и переходные общества, и только в Израиле функционируют институты парламентской демократии;
- Вопрос о политическом возрождении еврейского народа и создании Израиля не упоминается ни в Торе, ни в Библии, ни в Коране; современный Израиль – светское государство, где у власти находятся евреи в основном европейского происхождения;
- Ближневосточные террористические группировки не являются только палестинскими или арабскими;

- В регионе, где появились на свет иудаизм, христианство и ислам и где находятся их святые места, профессиональные противоречия развивались веками, сформировав почву для религиозного фанатизма³⁶;
- Возникновение ближневосточного конфликта относятся к 1948 г.,³⁷ но терроризм в его современном понимании появился значительно позже – после арабо-израильской войны 1967 г.; в 80-е гг. он стал стандартным методом боевых действий противоборствующих сторон;
- В 1993 г. был осуществлен прорыв в палестино-израильских отношениях: в результате конфиденциальных встреч представителей Израиля и ООП, проходивших в Осло, было подписано соглашение, в результате которого стороны официально признали друг друга; однако принцип «мир в обмен на территории» устроил далеко не всех, что привело к новому витку напряженности и эскалации террора;
- Регион отличает очень высокий уровень социально-экономической дифференциации входящих в него государств; ее главным фактором являются нефтяные ресурсы;
- В период биполярной конфигурации мира, построенной на инфраструктуре холодной войны, страны региона оказались в разных сферах влияния; сверхдержавы, отстаивая свои интересы, использовали в том числе политику поддержки «нужных» террористиче-

---

³⁶ На протяжении столетий в Старом городе Иерусалима постоянно вспыхивали стычки между представителями различных вероисповеданий за права на святые места.

³⁷ В 1948 г. было провозглашено образование государства Израиль; ряд арабских стран (Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, а затем также Саудовская Аравия и Йемен) пришли на помощь палестинцам, не согласившимся с решением ООН о разделе Палестины, и объявили ему войну. В результате войны Израиль захватил большую часть предназначавшейся палестинцам территории, а остальная попала под власть Иордании (западный берег р. Иордан) и Египта (Газа).

ских групп, но в целом способствовали сохранению баланса сил;

- После распада советского военно-политического блока США отстаивают структуру международных отношений, основанную на собственном доминировании, и отрабатывают на Ближнем и Среднем Востоке сценарии силового обеспечения стратегических интересов;
- Процессы глобализации обуславливают появление быстроразвивающихся, но неопределенных явлений, которые делают традиционные идейно-политические ориентации и подходы несоответствующими реальным проблемам современности; одновременно любое государство, независимо от своего веса и влияния, оказывается вовлеченным в дела всего мирового сообщества.

Основные контуры будущих непримиримых противоречий проявились на Ближнем Востоке уже в конце I Мировой войны. Как известно, арабы находились под властью Османской империи и не видели в турках непримиримых врагов, однако процесс европеизации Турции и утверждение принципов пантюркизма³⁸ вызвали недовольство более консервативной части мусульманского мира. Когда в 1914 г. турецкий султан как союзник Германии призвал мусульман к джихаду против стран Антанты, правитель и духовный глава Мекки шериф аль-Хусейн на словах поддержал его, но публично объявлять джихад воздержался, опасаясь, что этот шаг приведет к столкновению с англичанами в Хиджазе. Втайне от турок он предпринял шаги, чтобы, заручившись поддержкой других арабских лидеров, согласовать условия сотрудничества с Антантой против Турции. Главным требованием стало согласие Великобритании на независимость будущего арабского государства в пределах заранее оговоренных границ, а позднее был добавлен пункт о признании ею любого арабского халифа, которого сами арабы сочтут достойным избрания.

---

³⁸ Период реформ получил в Турции название «танзимата» (1839-1870); в 1909-1918 гг. у власти в стране находились младотурки, видевшие главную цель в сохранении целостности империи.

Верховный комиссар Египта Г. Макмагон поддержал эту позицию в обмен на участие арабов в войне с Турцией (планировалось арабское восстание).

Британское правительство, как показало развитие событий, не собиралось предоставлять арабским странам полную независимость, особенно учитывая стратегическое положение Ближнего Востока по отношению к Индии. Параллельно с арабо-английскими контактами в Европе разрабатывался другой договор о послевоенном разделе региона,³⁹ по которому Палестина становилась частью сферы влияния Великобритании; вопрос о режиме международной зоны, включающей святые места, оставался открытым. В 1915 г. было заключено очередное англо-русское соглашение о разделе на сферы влияния Ирана. Вывод русских войск советским правительством в 1918 г. способствовал установлению полного английского контроля над страной, который после массовых антианглийских и антиправительственных выступлений 1919-1921 гг. осуществлялся в непрямой форме – прежде всего через Англо-иранскую нефтяную компанию. Сложившаяся ситуация обусловила, таким образом, возникновение *трех конфликтных узлов*, которые несли в себе семена будущих народных волнений, регулярных войн и терроризма как крайней попытки изменить статус-кво. Это: 1) вопрос о контроле над Палестиной; 2) межарабское соперничество за политическое лидерство и территории; 3) арабо-иранские противоречия, имеющие в том числе характер суннитско-шиитского противостояния⁴⁰.

Палестинский вопрос

---

³⁹ Соглашение Сайкс-Пико (представители соответственно британского и французского министерств иностранных дел) 1916 г.

⁴⁰ Доля шиитов среди мусульман – около 10 проц., однако в Иране они составляют абсолютное большинство; шиитский принцип «К Богоугодному из рода Мухаммада», т.е. возвращения верховной власти (имамата) в «семью Пророка», под которой они понимали исключительно потомков праведного халифа Али, всегда подхватывался недовольными правлением суннитских халифов, в т.ч. османов, и использовался Ираном в политических целях.

В ноябре 1917 г. на заседании английского кабинета было принято решение о поддержке создания в Палестине национального очага для еврейского народа; особо отмечалось, что «не будет предпринято ничего, что ущемило бы гражданские и религиозные права народов Палестины, не принадлежащих к еврейской общине»⁴¹. Письмо, в котором тогдашний министр иностранных дел А. Дж. Бальфур сообщал об этом Федерации сионистов⁴² в лице лорда Ротшильда, вошло в историю как Декларация Бальфура. Само решение было принято как под влиянием сионистского движения и общественного мнения еврейской общины, прежде всего американской, так и по внешне- и внутривластным соображениям: британский протекторат мог привести к напряженным отношениям с Францией, а либералы были против любого дальнейшего расширения империи.

Несмотря на обтекаемость формулировок декларации (в ней не использовался термин «еврейское государство»), она была с огромным воодушевлением встречена евреями и ускорила еврейскую колонизацию Палестины, мандат на управление которой получила Великобритания. Однако с первых дней существования еврейских колоний между переселенцами и их соседями-арабами⁴³ возникали конфликты: палестинские арабы чувствовали опасность потерять свою страну. Уже в 1919 г. в Иерусалиме и Яффе появились листовки, призывавшие всех арабов сплотиться перед лицом «сионистской угрозы». Еще раньше была основана арабская террористическая организация «Черная рука», а в феврале 1919 г. в Яффе состоялось первое собрание Мусульмано-христианского союза, возглавившего антиссионистское движение. В январе 1919 г. всеарабская конференция в Палестине потребовала

---

⁴¹ Цит. по Лакер В. История сионизма. – М.: Крон-пресс, 2000. С.276.

⁴² Сионизм (от назв. холма Сион в Иерусалиме) – идеология и политическое движение, возникшие в XIX в. и направленные на возрождение еврейского самосознания и государственности.

⁴³ Общая численность населения Палестины до I Мировой войны составляла почти 700 тыс. чел.; за период с 1882 по 1914 г. численность евреев возросла с 23 до примерно 85 тыс.; за пять послевоенных лет в страну прибыло около 30 тыс. евреев.

отказаться от данного евреям разрешения на создание колоний. В 1920-21 и 1929 гг. там прошла волна мятежей и погромов, причем уже в 1929 г. религиозный фанатизм оказался направлен в русло политической борьбы: непосредственной причиной этих событий стал вопрос о соответствующих правах евреев и арабов на Стену Плача,⁴⁴ которая становилась не столько религиозным, сколько национальным символом. Но сионисты были неспособны трезво оценить арабский национализм, который стал набирать силу после распада Османской империи. Экстремисты не стеснялись описывать арабских бунтовщиков как «отребье из Хеврона, педерастов из Наблуса, ублюдков, хулиганов и гангстеров из Яффы»,⁴⁵ а контакты между представителями умеренных сил с обеих сторон не приносили успеха. К этому периоду относится возникновение еврейских «организаций самообороны»: в 1919-20 гг. появилась «Хагана» («Защита»), а в 1931 г. от нее откололась часть, получившая название «Иргун Цвай Леуми» (Национальная военная организация). Они представляли собой еврейские милиции, занимавшиеся в том числе и «актами возмездия», то есть террором.

В апреле 1936 г. в Палестине начались массовые арабские волнения, переросшие в восстание против британского протектората и еврейской иммиграции,⁴⁶ значительно возросшей после прихода к власти в Германии Гитлера. Туда по просьбе колониальной администрации были направлены дополнительные войска, а к расследованию ситуации приступила специальная королевская комиссия, которая проводила встречи с представителями разных сторон, и в конце концов пришла к выводу о необходимости прекращения действия мандата и разделе Палестины на два государства с сохранением британского анклава в Иерусалиме и Вифлееме. Однако из-за надвигающейся войны с Германией позиция 70 млн. арабов была для английского правительства важнее, и оно

---

⁴⁴ Стена Плача – священное место в Иерусалиме и для иудеев, и для мусульман.

⁴⁵ Цит. по Лакер В. Указ. соч. С.344.

⁴⁶ В восстании 1936 г. впервые приняли участие члены фундаменталистской организации Ассоциация «Братьев-мусульман», созданной в Египте в 1929 г. Х. аль-Банной.

согласилось с их требованием отказаться от мандата и учредить палестинское государство, союзное с Великобританией. В течение переходного периода должны были быть обсуждены особые права евреев как меньшинства в арабском государстве; еврейская иммиграция ограничивалась. Палестинское восстание медленно угасло после начала II Мировой войны, приглушившей межнациональные противоречия. Сама Палестина стала важной военной базой союзных сил на Ближнем Востоке.

Международная ситуация после войны сложилась для сионистов не лучшим образом: они требовали раздела Палестины и создания государства, напоминая о геноциде евреев, которых не смогла защитить ни одна европейская страна, но ни США, ни Великобритания не считали этот вопрос первоочередным. В 1945-46 гг. тысячи еврейских беженцев стали нелегально переправляться в Палестину, хотя официально иммиграция была практически запрещена. Арабы вооружались, евреи организовывали боевые операции как против них, так и против британских военнослужащих. «Хагана» взрывала мосты, дороги и железнодорожные мастерские; «Иргун» в 1946 г. взорвал отель царя Давида в Иерусалиме, что привело к гибели более ста человек – англичан, евреев и арабов. Фактически Палестина стала ареной террористической кампании, которая преследовала сразу несколько целей: показать Лондону, что продолжение оккупации стоит слишком дорого, и заставить арабов покинуть территории, которые должны были отойти к еврейской зоне. Великобритания утратила всякие политические рычаги влияния на Палестину, и в 1947 г. было объявлено, что единственный выход – препоручить решение проблемы ООН.

В ноябре 1947 г. ООН проголосовала за план раздела Палестины с установлением международного контроля над Иерусалимом. «За» были 33 государства, включая США и СССР; Великобритания, все арабские и большинство азиатских наций выступили против. Арабские страны заявили, что введут свои войска в Палестину, как только ее покинут англичане (последнее планировалось сделать к 16 мая 1948 г.) Тем временем накал террора в этом районе возрастал. О масштабе акций свидетельствует, например, истребление отря-

дами «Иргун» и Штерна почти всех жителей арабской деревни Дейр Ясин (254 человека) или нападение арабов на еврейский медицинский конвой в Иерусалиме в апреле 1948 г. (погибло 79 человек); английские силы не вмешивались. 14 мая 1948 г. было провозглашено создание государства Израиль, и теракты сменились военными действиями: началась первая арабо-израильская война 1948-49 годов. В русле традиционного военного противостояния отношения арабов и Израиля развивались до 1967 года.

Межарабские противоречия

Ситуация на Ближнем Востоке после I Мировой войны не способствовала установлению мира. Рассмотрим, как происходил процесс формирования наиболее влиятельных арабских государств и как складывались их отношения друг с другом. При этом в фокусе нашего внимания будет находиться палестинская проблема – такой подход во многом объясняет не только природу внутриарабского политического соперничества, но и его связь с терроризмом.

Как отмечалось выше, параллельно с перепиской шерифа аль-Хусейна с Г.Макмагоном представители Великобритании, Франции и России рассматривали другой вариант раздела турецкого наследства (соглашение Сайкс-Пико). После победы большевиков текст этого документа был опубликован в печати Советской России: в нем было положение о захвате Аравии и Леванта⁴⁷ без участия арабов.⁴⁸ Англичане заверили аль-Хусейна, что это фальшивка. Поверил он или только сделал вид, что поверил, – неизвестно, но английские войска начали военную кампанию против турок в Сирии при поддержке арабских армий во главе с тремя представителями хашимитской семьи – сыновьями шерифа Али, Фейсалом и Абдаллой.

---

⁴⁷ Левант – государства восточного побережья Средиземного моря (Сирия, Ливан, Палестина).

⁴⁸ Алиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Изд-во Московского университета, 2002. С.495.

В январе 1919 г. Фейсал во главе делегации Хиджаза прибыл на мирную конференцию в Париж. Несмотря на обещания организовать выборы национальных правительств, Великобритания и Франция разделили древний мир ислама, проведя достаточно произвольные границы. В западных арабских провинциях была создана так называемая Оккупационная административная территория противника. На юге этой территории находилась Палестина, на востоке – Сирия и Трансиордания, на западе – Ливан, Александретта и Киликия. Ирак подпал под управление единой администрации во главе с английским комиссаром по гражданским делам; Аравия подразделялась на несколько суверенных государств: Хиджаз во главе с шерифом аль-Хусейном, Неджд под властью короля Ибн Сауда и Йемен с губернатором (королем) Яхьей. Было принято решение выдать временный мандат на управление каждым из этих государств одной из держав-союзниц. Эти положения вызвали резкую критику Всеобщего сирийского конгресса, и Сирия была стихийно провозглашена независимым арабским государством, а Фейсал – ее королем. Великие державы отказались признать законность этого решения, и по итогам конференции в Сан-Ремо 1920 г. Сирия и Ливан оказались под юрисдикцией Франции, а Палестина и Ирак – Великобритании. В ответ в Ираке вспыхнули массовые беспорядки, переросшие в вооруженное восстание с требованием независимого самоуправления. После подавления выступлений в Ираке был сформирован подконтрольный верховному комиссару Государственный совет, а на пост главы государства был определен изгнанный из Сирии Фейсал. В 1921 г. в северной части Аравии был создан эмират Трансиордания во главе с Хусейном⁴⁹. Именно там был сформирован англичанами из бедуинов знаменитый Арабский легион, отряды которого составляли ядро вооруженных сил Великобритании в Аравии и использовались при необходимости для подавления антианглийских выступлений в регионе.

Сирия и Ливан находилась под управлением французского верховного комиссара в Бейруте до 1946 года. Их складывающиеся парламентские системы были слабыми и недос-

---

⁴⁹ См. Алиев А.А. Указ. соч. С.496-497.

таточно устойчивыми. В обеих странах одни правительства сменяли другие, шла острая политическая, а в Ливане еще и религиозная борьба, уточнялись конституционные нормы, менялись внешнеполитические ориентиры (с началом II Мировой войны Левант оказался под контролем правительства Виши). После войны Сирия пережила несколько военных переворотов и неудачную попытку объединения с Египтом в рамках Объединенной Арабской Республики. В 1963 г. она оказалась под властью лидеров Баас, партии арабского социалистического возрождения⁵⁰. По духу это была партия национального единства арабов, и в ней было немало сторонников восстановления унии с Египтом и даже прибавления к этой унии Ирака. Однако достаточно быстро там одержала верх националистическая фракция с ориентацией на государственный социализм. В 1972 г. во главе республики встал президент Х. Асад (после его смерти в 2000 г. власть получил его сын Башар). Асад считал, что Ливан и Палестина являются частью Великой Сирии.

В Ливане не было почвы для диктатуры, напротив, представители различных партий и групп едва договаривались друг с другом в стремлении сохранить стабильность. Национальный пакт 1943 г.⁵¹ заложил основы «конфессионального парламентаризма», позволяя поддерживать мир при сложном этнорелигиозном составе населения. В 1948 г., когда палестинцы, вытесняемые Израилем, хлынули в страну, хрупкий баланс был нарушен. С тех пор Ливан стал ареной кровопро-

---

⁵⁰ Основные цели левоцентристской партии Баас, созданной в 1947 г. в Сирии группой арабских интеллигентов, были слиты в лозунге «Единство, свобода, социализм». «Единство» подразумевало общность интересов и целей всей «арабской нации», задачу единения всех арабов, «свобода» – освобождение от всех форм зависимости, прежде всего империалистического угнетения, «социализм» – ликвидацию эксплуатации; главный элемент баасистской идеологии – арабский национализм. Одна ветвь партии пришла к власти в Сирии, другая – в Ираке.

⁵¹ Национальный пакт 1943 г. – устное джентльменское соглашение о распределении государственных постов между первым президентом республики Б. аль-Хури и премьер-министром Р. Сольхом, которое стало на практике неписаной частью конституции (президент – маронит; премьер – суннит; председатель парламента – шиит; заместитель премьера – православный; заместитель председателя парламента – православный и т.д.)

литных конфликтов, в числе которых гражданские войны 1958 и 1975-76 гг. (отдельные бои продолжались до 1978 г.), израильские вторжения в 1978 и 1982 гг., приход иранских «стражей революции» в 1982 году. С 1983 по 1996 г. в стране активно действовали практиковавшие террористические методы милиции различных политических группировок. Несмотря на пункт о разоружении, входивший в условия мирного договора 1990 г., они сохранили свои структуры в отдаленных районах. Когда Израиль начал вывод войск с юга Ливана в 2000 г., некоторые милиции передислоцировались в прежде оккупированные зоны, стремясь нанести удар по израильскому союзнику – Армии Южного Ливана.

По-другому сложилась ситуация в переданных хашимитской семье Трансиордании и Ираке. В 1950 г. западно-иорданские земли Палестины были объединены с Трансиорданией в рамках Иорданского хашимитского королевства. Правивший страной с 1952 г. по 1999 г. король Хусейн (ему наследовал сын Абдалла) установил режим умеренной конституционной монархии с парламентом и многопартийной системой. Отторжение Западного берега после арабо-израильской войны 1967 г. привело к обострению внутривнутриполитической ситуации, так как отступившие на восток палестинцы стали представлять угрозу королевской власти. В 1971 г. Хусейн добился вывода палестинских отрядов с территории страны⁵², хотя при этом вплоть до 1988 г. поддерживал население оккупированного Израилем Западного Иордана⁵³. Поскольку Иордания – одна из наименее развитых и бедных ресурсами стран арабского мира, она во многом зависит от поддержки богатых соседей, в частности Ирака и нефтяных монархий.

В Ираке революция 1958 г. лишила Хашимитов власти. В 1963 г. на передний план стала выдвигаться иракская Баас (правлящей партией она стала в 1968 г.); в 1979 г. в партии и

---

⁵² Отряды палестинского сопротивления были вынуждены уйти в Ливан.

⁵³ В 1988 г. в связи с решением признать территорию Палестины (в том числе западно-иорданские земли) частью будущего палестинского государства, король Хусейн отказался от остатков своего суверенитета над Западным берегом.

государстве к власти пришел С.Хусейн, установивший жесткий авторитарный режим. Отказавшись от социалистической риторики, он либерализовал экономическую политику и беспощадно подавил национальное движение курдов на севере страны. В 1980 г. началась ирано-иракская война – продолжение многовекового спора держав за региональное лидерство. После безрезультатного окончания этой войны Хусейн в 1990 г. решился на оккупацию Кувейта, который объявил «исторической частью» Ирака (Кувейт был выведен из состава Басрийского вилайета англичанами еще до I Мировой войны). Как известно, эмират был освобожден войсками международной коалиции во главе с США, а Израиль не дал втянуть себя в широкомасштабный конфликт, несмотря на регулярные ракетные обстрелы. Кувейтская авантюра имела двоякий результат: с одной стороны, тяжелейшие экономические последствия для Ирака (санкции ООН), с другой – размещение в аравийских монархиях, близ святынь ислама, иностранных военных баз. В обоих случаях был дан мощный импульс развитию терроризма как средству борьбы с превосходящими силами противника.

Нефтедобывающие монархии Персидского залива имеют свою историю. В середине XVIII в. в пустынных районах Неджда, к востоку от Хиджаза с его Меккой и Мединой, сформировалось оппозиционное исламское движение ваххабитов. В основе ваххабитской доктрины,⁵⁴ ставшей идеологическим обоснованием объединительных тенденций в Аравии, – единобожие (таухид) и осуждение культа святых («один Аллах – творец данного мира, его господин, дающий ему законы, из сотворенного им нет ничего и никого, равного ему, способного творить»), борьба с новшествами (бид'а) в догматике и культе, возвращение к Корану и «неповрежденной» Сунне; уплата закята (мусульманского налога) как религиозный принцип. Ваххабизм проповедовал идеи социальной гармонии, «братства» мусульман: выступал за справедливое отношение к подданным, соблюдение моральных норм, призывал проявлять заботу о рабах, слугах, наемных рабочих, прослав-

---

⁵⁴ Ваххабизм стал одной из предтеч современного исламского фундаментализма.

лял бедность (бедному легче попасть в рай), преследовал ростовщичество. Мусульмане, не следовавшие учению, считались гораздо худшими «многобожниками», чем люди, не исповедующие ислам, и против них следовало вести джихад.⁵⁵ Ваххабиты довольно легко нашли поддержку у бедуинов. Примкнувший к ним эмир небольшого государства в Неджде Сауд возглавил движение после смерти Ибн Ваххаба и начал активную завоевательную деятельность, в чем ему пытались препятствовать турки. Борьба, однако, в конце концов завершилась в пользу Саудидов. В 1902 г. в Неджде был восстановлен ваххабитский эмират со столицей в Эр-Рияде, в 1924 г. к нему был присоединен Хиджаз, его границы достигли Ирака и Кувейта. С 1932 г. он стал именоваться королевством Саудовская Аравия. С 1938 г. на побережье Залива началась добыча нефти, которой занималась в то время в основном американская корпорация АРАМКО, построившая в 1950 г. трансаравийский нефтепровод и способствовавшая неслыханному росту доходов от нефти.

Другие государства Аравии также были либо протекторатами, либо зависимыми от иностранных держав, в первую очередь Великобритании. Там, где это диктовалось стратегическими интересами – безопасностью пути в Индию, степень зависимости была почти полной (Аден, Маскат, Кувейт, Договорный Оман), а в остальных районах подчас едва заметной. Богатые государства Залива всегда вызывали зависть более бедных соседей (в том числе Ирака), а их тесные связи с США делали их мишенью для религиозно мотивированных террористов еще до 1991 года.

Северная Африка контролировалась Великобританией и Францией. Египет, формально сохраняя особый статус и считаясь как бы автономной частью Османской империи, в конце XIX в. превратился в английский протекторат. В 1922 г. Великобритания согласилась признать независимость Египта, но при условии сохранения в нем своих войск и комиссара, не говоря уже о позициях британского капитала. По конститу-

---

⁵⁵ См. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. – М.: “Наука”, 1982. С.74-85.

ции 1923 г. он стал конституционной монархией. По англо-египетского договору 1936 г. английские войска были выведены из Египта, комиссар стал английским послом, и только в зоне Суэцкого канала остались некоторые вооруженные формирования англичан. После II Мировой войны мощное освободительное движение принудило англичан сесть за стол переговоров о пересмотре соглашения 1936 г., но к успеху переговоры не привели. В этих условиях на передний план вышла организация «Свободные офицеры», которая взяла власть в свои руки в результате переворота 1952 года. Вследствие усиления радикального крыла движения в 1954 г. премьер-министром, а вскоре и президентом страны стал Г.А. Насер. В 1956 г. он объявил о национализации Суэцкого канала; в ходе англо-франко-израильской военной кампании 1956 г. в зоне Суэца египетская армия одержала верх, и иностранные войска были выведены. В Хартии национального действия Египта 1962 г. был заявлен курс на социализм на основе госсектора и планирования экономики, ограничение крупного капитала с сохранением мелкого частного предпринимательства. В том же году был создан Арабский социалистический союз как правящая партия мобилизационного типа в рамках однопартийной системы.

В Ливию, в XIX в. имевшую слабую вассальную зависимость от Турции, стремились проникнуть французы, которые добились в 1830 г. заключения неравноправного договора. Однако с помощью Великобритании Турция сумела восстановить свой практически утраченный суверенитет и начать энергичные реформы в соответствии с принципами Танзимата. Трансформация традиционной структуры вызвала протест населения, принявший форму религиозного сопротивления под лозунгами возврата к первоначальному исламу и простой жизни. Его возглавил суфийский орден сенуситов, который, несмотря на ряд поражений в борьбе с французами, сумел сохранить свои позиции. Когда Италия в 1911 г. развязала войну с Турцией и попыталась захватить Ливию, сенуситы возглавили партизанскую войну. В 1915 г. они создали правительство в Киренаике (Бенгази), которая вместе с провинцией Триполитания повела борьбу за национальное освобождение. После прихода в Италии к власти фашистов давление

на страну возросло, и она стала итальянской колонией. Независимость Ливия получила по решению ООН в 1951 г.; тогда это была конституционная монархия, тесно сотрудничавшая со странами Запада. В 1964 г. в Ливии была создана Организация свободных офицеров (по образцу египетской), и в результате военного переворота 1969 г. власть перешла к Совету революционного командования во главе с М. Каддафи, развернувшим радикальные преобразования. В 1977 г. страна стала именоваться джамахирией, то есть общенародным самоуправляемым государством. Экономика была национализирована под лозунгами исламского социализма,⁵⁶ вместо упрямых партий были созданы «революционные комитеты», руководившие деятельностью народных собраний в центре и на местах. В соответствии со своей внешнеполитической доктриной, нацеленной на борьбу с империализмом, Каддафи стал энергично поддерживать все вооруженные партизанские и террористические группировки, будь то палестинские или ирландские.

С 1947 по 1967 г. на Ближнем Востоке прошли несколько коротких войн. Арабские государства не смогли достичь единства, причем их взаимная конфронтация была иногда не менее острой, чем общее противостояние Израилю. На словах все они занимали антиизраильские позиции, но Иордания и Саудовская Аравия начали сближаться с Западом, следуя примеру шахского Ирана.

Тем временем Израиль укреплял собственную обороноспособность, создав компактную и маневренную армию. В войне 1967 г. он продемонстрировал свое превосходство и удвоил территорию, в течение шести дней разгромив превосходящие по численности и оснащенные советским оружием арабские армии (непосредственно в боевых действиях участвовали Египет, Сирия и Иордания). После этого поражения глава ООП⁵⁷ Я. Арафат предложил новую тактику: вместо

---

⁵⁶ М. Каддафи инкорпорировал в свою программную «Зеленую книгу» элементы исламского фундаментализма, при этом беспощадно подавляя местных исламистов.

⁵⁷ ООП была основана в 1964 г. на базе нескольких палестинских группировок.

прямых атак на Армию обороны Израиля наносить удары по незащищенным мирным целям. Используя палестинских бойцов-фedayинов, прежде всего Фатх⁵⁸, он в 1965 г. осуществил первую боевую операцию, взорвав насосную станцию. После шестидневной войны такие действия стали регулярными: Арафат наносил молниеносные удары по объектам в Израиле из Иордании. Собственно говоря, терроризм в тех условиях был единственной возможностью относительно слабой структуры вести наступательные операции против превосходящих сил противника. Нападая на мирных граждан, захватывая самолеты и готовя покушения, террористические группы в ООП могли «по касательной» атаковать израильскую военную машину. В условиях, когда регулярные арабские армии не предпринимали никаких активных действий, палестинский лидер стал героем в глазах арабов: только ООП имела смелость и волю сражаться, хотя она была меньше, хуже вооружена, и у нее не было даже страны – только фedayины. Фатх был ограничен тремя вариантами действий: 1) засылкой маленьких диверсионных групп с территории Иордании; 2) установкой взрывных устройств; 3) артиллерийским обстрелом израильских поселений⁵⁹. Глава ООП называл это партизанской войной, Израиль – терроризмом. Его силы наносили удары по палестинскому сопротивлению, где бы оно ни находилось.

Арафат вскоре осознал, что террористические операции привлекают внимание СМИ во всем мире. Под его попечительством боевая кампания ООП становилась все более публичной и захватывающей. Угоны самолетов, отчаяние заложников, жестокость террористов, революционный романтизм и мрачная решимость, словом, жизнь на грани смерти – вот что заставляло зрителей не отрываться от экранов и журнальных страниц. СМИ использовали террористов, чтобы увеличить аудиторию, а террористы использовали их, чтобы привлечь

---

⁵⁸ Фатх – Движение за освобождение Палестины было создано в октябре 1959 г. для ведения войны с Израилем; член ООП.

⁵⁹ Laqueur W. The Age of Terrorism. Boston: Little, Brown, 1987. P.216.

внимание к палестинскому делу. Казалось, что палестинцы едины в своей борьбе.

В мире терроризма авторитет ООП резко возрос. «Товарищи по борьбе» из разных уголков мира приезжали в тренировочные лагеря палестинцев. Тесные связи с ними имели баскские националисты, бойцы Ирландской революционной армии, европейские ультралевые.

После неудачной войны 1967 г. в арабском лагере произошёл раскол. Одну позицию представлял иорданский король Хусейн, который стремился найти путь мирного сосуществования с еврейским государством. Для бедной Иордании потеря Западного берега была серьезнейшим экономическим потрясением, а присутствие палестинцев дестабилизировало политическую систему. Сильные государства, такие, как Египет, стремились к реваншу, хотя в принципе могли бы вести диалог с Израилем – но как равный с равным (большой материальный ущерб, временное закрытие Суэцкого канала и экономическая стагнация заставляли Г.А. Насера по-новому смотреть на ситуацию). Баасистские режимы по-прежнему призывали к арабскому единству и уничтожению «сионистского образования». Богатые нефтедобывающие страны, публично поддерживая антиизраильский курс, были заинтересованы в сохранении стабильности и основ своего процветания, то есть в бесперебойных поставках нефти на Запад.

Несмотря на неоднозначность сложившейся ситуации, последствия шестидневной войны стали настоящим катализатором ситуации, так как египтяне и израильтяне смотрели друг на друга через Суэц. Глубина национального унижения была велика: президент Насер разорвал отношения с США и просил СССР помочь с акцией возмездия. После его смерти в 1970 г. власть перешла к А. Садату, который вместе с Сирией в октябре 1973 г. развернул наступление на Израиль. Поскольку нападение было внезапным, египетская армия отбросила израильтян к Синаю, а сирийцы подошли к Иерусалиму. Однако вскоре израильские силы стабилизировали фронт.

Удовлетворенный успехом, Садат выдвинул ряд инициатив: стал сворачивать отношения с Советским Союзом, восстанавливал отношения с США, взял курс на реприватизацию экономики и поощрение частного сектора, воскресил много-

партийную систему и к 1975 г. прекратил мелкие стычки с израильскими отрядами. В 1977 г. он посетил Иерусалим и публично заговорил о мире. В 1979 г. при посредничестве американского президента Дж. Картера был заключен сепаратный Кэмп-Дэвидский мирный договор, предусматривавший уход Израиля с Синайского полуострова. Это решение стоило Садату жизни: в 1981 г. он был убит активистами отпочковавшейся от Ассоциации «Братьев-мусульман» организации «Аль-Джихад». Исполнитель убийства лейтенант Исламбули заявил на судебном процессе: «Я убил его, но я невиновен. Я сделал это во имя моей религии и моей страны»⁶⁰.

Арабские государства, вовлеченные в противостояние, разделились на два лагеря: радикалы (Сирия, Ирак, Ливия, Южный Йемен) отвергали любой мирный договор или признание Израиля. Более умеренные выражали озабоченность судьбой палестинского народа. В Кэмп-Дэвидском договоре не было никаких пунктов относительно урегулирования положения палестинских беженцев или судьбы оккупированных территорий. В то же время усилия ряда западных стран привлечь внимание к этим законным требованиям не имели успеха, в том числе и из-за терактов как на Ближнем Востоке, так и в Европе⁶¹.

В симбиотическом мире ближневосточного терроризма Палестина часто выступала прикрытием внутриарабской борьбы за политическое лидерство и создание панарабского государства. Например, Сирия и Ирак были готовы использовать терроризм против Израиля, других арабских режимов⁶² и «друзей по партии» – соответственно иракских и сирийских баасистов. Преследуя собственные цели и стремясь установить контроль над ООП и через нее – над оккупированными

---

⁶⁰ McDermott A. Egypt from Nasser to Mubarak: A Flawed Revolution. N.Y.: Croom Helm, 1988. P.198.

⁶¹ Например, поддерживаемая Арафатом группа «Черный сентябрь» с помощью немецких ультралевых совершила теракт против сборной команды Израиля на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 г.

⁶² В Иордании ООП выступала на стороне просирийских и проиракских партий, бывших в оппозиции королю Хусейну.

территориями и Ливаном,⁶³ арабские правительства поддерживали и финансировали разные отряды палестинского сопротивления, причем Арафат не мог контролировать этот процесс: в рамках ООП расколы следовали один за другим. Наиболее экстремистские позиции занимали Народный фронт освобождения Палестины, Демократический фронт освобождения Палестины (эти фронты, использующие марксистско-ленинскую риторику, негласно поддерживал и Советский Союз), Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование, группа Абу Нидаля, проиракские группы Абу Аббаса и Абу Ибрагима. Олицетворением «профессионального терроризма» стала организация Абу Нидаля, который, начав свой путь в рядах Фатх, служил Ираку, Сирии и Ливии и создал развитую террористическую инфраструктуру в Европе. Он известен не только захватами заложников и самолетов, но и убийствами палестинских деятелей; в 1995 г. им было совершено покушение на «предателя» Арафата.

Победа исламской революции в Иране (1979) стала мощным фактором подъема еще одной силы на ближневосточном театре боевых действий – политического ислама. Кстати, после вынужденного отъезда Арафата в Ливию, а затем Тунис, именно религиозно-политический террор стал одной из основных форм борьбы населения оккупированных территорий за свои права, и сегодня главе ООП очень сложно взять ситуацию под контроль.

Революционный Иран и «экспорт исламской революции»

Когда в Иране в 1979 г. произошла народная революция, США зачастую находили удобным называть ее «террористи-

---

⁶³Обосновавшись в Ливане после ухода из Иордании, Палестинское движение сопротивления стало серьезной автономной силой на юге страны; оно активно участвовало в гражданской войне 1975-1976 гг. и в отражении агрессии Израиля в 1982 г.; после ввода сирийских войск, остановивших израильское наступление, Арафат по условиям соглашения был вынужден уехать в Триполи с 14 тыс. боевиков, а оставшиеся 10 тыс. объединились с сирийцами.

ческой», в чем-то имея для этого основания. В конце концов, Иран нарушил нормы международного права, взяв в заложники сотрудников американского посольства в Тегеране (аятолла Хомейни обвинил их в шпионаже),⁶⁴ минировал Персидский залив, неся ответственность за гибель американских солдат; его подозревали в организации взрывов против американских интересов в Ливане и других странах. Наконец, по данным спецслужб, иранцы были союзниками других «террористических» государств и групп. СМИ напрямую связывали рост терроризма с победой исламского фундаментализма в этой стране.

Однако не все было столь однозначно. Исламская революция стала порождением процессов, развивавшихся в течение веков. Именно поэтому, имея антизападную (в том числе антисоветскую) направленность, она была нацелена также против исламских соседей Ирана. В 1980 г. началась кровопролитная и разорительная война с Ираком (людские потери с обеих сторон составили около 1 млн. человек), продолжавшаяся восемь лет. Чтобы понять причины такого глобального противостояния, необходимо учесть четыре важных фактора: 1) исламскую теорию и практику; 2) колониальное прошлое Ирана; 3) форсированную модернизацию в ходе «белой революции» 60-70-х гг. XX в.; 4) идеологию шиитского фундаментализма.

В исламе сложилось две позиции (оправдательная и бунтарская) в отношении мусульманских правителей, легитимность которых ставилась под сомнение, причем обе зафиксированы в Коране и отражены в хадисах, подкреплены обычаями и принципами более древних религий и цивилизаций Ближнего Востока. Так, в отношении первой мы, например, находим: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» (Коран: 4:62), а в отношении второй – «...Да не будут люди править несправедливо, ибо кровопролитие начнется среди

---

⁶⁴ По заявлению МИД Ирана, это акция явилась ответом на игнорирование американской администрацией требований иранского народа, в частности, выдачи шаха и возвращения награбленных богатств.

них», «Когда люди видят злодея и не хватают его, Аллах накажет их всех почти также» (Изречения Мухаммада: ССП:822, LXXVII:237). Поскольку абсолютное большинство населения Ирана – шииты, то есть признают в качестве законных глав мусульман лишь потомков от брака праведного халифа Али с Фатимой, дочерью Пророка, история с убийством «несправедливого» халифа Османа (Али дал приют его убийцам и отказался их выдать) зародила первую шиитскую парадигму: установленный авторитет нелегитимен, повиновение авторитету есть вынужденная политическая необходимость; легитимность идет от Аллаха, следовательно, возможны вооруженное неповиновение и борьба с тираном. В целом с точки зрения философии шиизма после смерти Пророка и в еще большей степени после смерти Али тридцать лет спустя история приняла неправильный поворот.

Как известно, многие шиитские попытки завоевать власть заканчивались неудачей: подавлением восстаний, истреблением террористов, смертью или исчезновением лидеров. В 680 г. случилось событие, оставившее глубочайший след не только в истории шиизма, но и в душах верующих. В местечке, где впоследствии возник иракский город Кербела, был убит внук Пророка и сын Али имам аль-Хусейн. Узнав о провале попытки своих сторонников поднять восстание и привести его к власти, имам не бежал, но двинулся навстречу противнику и стал ждать условий перемирия. Ему был послан сон, что примирения не будет и что его и его людей ждет гибель. Тогда он распустил свой отряд, оставив только ближайших последователей и родственников (72 человека) и, отвергнув плен, стал готовиться к бою с 4-5-тысячным суннитским войском. Хусейн принял мученическую смерть, став примером того, как надо подчиняться воле Аллаха, зная, что награда придет лишь после смерти.

В суннитском исламе шахид («пожертвовавший собой за веру») – тот, кто пал в битве; шииты прибавляют к этому мученичество тех, кто страдал в тюрьме, перенес пытки, был казнен за свою веру или действия. Такое понимание мученичества вызывает целую волну страдания и страсти, предательства и раскаяния, вплоть до добровольного жертвования

жизнью во имя Аллаха. Поэтому шиизм часто становился религией угнетенного меньшинства.

Способствовало распространению шиизма и то, что народами Ирана издревле, задолго до ислама, было усвоено положение, что шахиншах есть воплощение божественного духа, который переходит от отца к сыну и присущ всем поколениям властителей. Это способствовало слиянию персидского мировоззрения с шиитским. Но все-таки основная причина его утверждения в том, что он служил укреплению государственности и независимости страны в условиях непрекращающегося противоборства с могущественным соперником – суннитской Османской империей. Шах Исмаил I, основатель династии Сефевидов (1501-1732), объявил себя не только светским главой государства, но и духовным главой шиитов, прямым потомком праведного халифа Али. Другие праведные халифы были обвинены в «святотатстве»⁶⁵.

В Иране религия была выражением национализма. В конце XVII-начале XVIII вв. Россия и Османская империя начали свое проникновение в слабевшую державу Сефевидов, ведя борьбу за Закавказье, Азербайджан и прикаспийские области. Тогда же шах пошел на подписание договоров о мире и сотрудничестве с Англией, направленных в основном против Франции и России. Впоследствии английский и русский послы неоднократно выступали в качестве посредников при урегулировании конфликтов с турками. В начале XX в. Средний Восток стал объектом острой борьбы между Великобританией, Россией и Германией за сырьевые источники и рынки сбыта. Европейские государства сумели получить важные концессии (добыча нефти, строительство дорог, рыбные промыслы, банковская деятельность и т.д.), то есть Иран оказался в состоянии экономической зависимости. В I Мировую войну он заявил о своем нейтралитете, но воюющие державы превратили его в театр военных действий. После войны, несмотря на вывод Советской Россией русских войск, иностранное давление на Иран в целом усилилось.

---

⁶⁵ Земли Ирака долгое время были ареной противоборства между Ираном и Османами; в первой трети XVI в. Ирак входил в состав иранского государства.

Страна вступила в полосу смены правительств и патриотических выступлений за полный суверенитет. Англичане, опасаясь разрастания коммунистической революции, искали нового лидера для отражения советской угрозы и восстановления стабильности. Им стал командир одного из отрядов иранской казачьей бригады Реза-хан, который в 1925 г. был объявлен Учредительным собранием наследственным монархом.

Реза-шах понимал, что для достижения независимости необходимо развивать экономическую базу Ирана. Этой цели должны были служить, во-первых, поощрение западных инвестиций, прежде всего в нефтяную и банковскую сферу, и, во-вторых, завоевание расположения различных «центров силы» в самом Иране, в том числе шиитских мулл. Отметим, что в силу исторических особенностей установления шиизма клерикальная организация в нем имела более ярко выраженный церковный характер и была более независима от государственной власти, чем власть священнослужителей-суннитов. Статус шиитских улемов более подпадает под определение «социально-корпоративного сословия», имеющего четкие правила субординации. Определенную автономию этого слоя поддерживало владение землями и состояниями, а также расположение шиитского духовного центра вне Ирана, в Ираке, в священных городах Неджеф, Кербела и аль-Казимейн. Такое положение, с одной стороны, делало улемов влиятельной политической силой, а с другой – способствовало видению мира как священной иерархии во главе с клерикальной элитой.

Противоречивая политика шаха – вестернизация в сочетании с укреплением позиций религиозных деятелей имела далеко идущие последствия. В дополнение к этому он, желая создать противовес Великобритании, сблизился с фашистской Германией. Когда началась II Мировая война, СССР и Великобритания, опасаясь открытия нового фронта, ввели войска соответственно в северные и южные районы страны. В конце войны на севере усилились позиции революционеров и радикалов, а в Иране в целом развернулось массовое демократическое движение.

Во внешней политике шахское правительство продолжало лавировать между соперничавшими державами. В конце

40-х гг. оно стало склоняться в сторону США. После событий 1953 г. (неудачной попытки силой сместить правительство, проводившее демократические преобразования, в частности, национализацию нефтяной отрасли) шах был вынужден покинуть страну и уступить власть сыну Мухаммеду. В этот момент совпадение интересов самосохранения иранской монархии и США привели к радикальным экономическим преобразованиям. Президент Дж.Кеннеди был сторонником «перехвата» революций в развивающихся странах путем реформ. Шах был заинтересован в политическом авторитаризме, необходимом для модернизации. Ускоренная программа реформ получила название «белой революции».⁶⁶

По мысли шаха, она должна была привести к ликвидации «эксплуатации человека человеком» через аграрную реформу (для деревни), и введение в действие закона об участии рабочих в прибылях предприятий и о продаже им акций (для города). Государство при этом выступало «представителем и защитником общества», а ислам понимался как цивилизационная доминанта, то есть скорее культурологически.

Высокие темпы развития экономики привели к усилению неравномерности в распределении доходов и росте различий в потреблении, стиле жизни. Сотни тысяч людей стали «ненужными», традиционные уклады не могли конкурировать с капиталистическим производством. Вожди шиитов, говорившие как бы от имени высшего авторитета, видели в реформах реальную угрозу исламской норме. Учитывая многовековые традиции народных массовых движений, шах усилил режим личной власти и поощрял репрессии спецслужб. В результате антишахский фронт стал очень широким, включив как противников «вестернизирующей модернизации», так и сторонников альтернативной – революционно-коллективистской модернизации и приверженцев политической либерализации. Соотношение сил в итоге сложилось в пользу шиитских улемов, сумевших повести за собой «базар» – мелких торговцев, ремесленников, крестьян.

---

⁶⁶ Так называлась книга шаха, в которой он обосновывал принципы реформ.

В основу конституции Исламской Республики Иран (ИРИ) был заложен принцип «*вেলাят-е факих*» (букв. «руководство законооведа»), который означает веру в постоянно существующий имамат и верховное руководство государственными делами со стороны шиитского руководителя. Такой подход, скорее всего, втайне неприемлем для суннитов, расценивающих улемов как обычных мусульман, выполняющих религиозные функции.

Истина, по Хомейни, скрыта под несколькими вуалями – вожделем, тщеславием, высокомерием, любовью к власти, эгоизмом. Только когда они будут сняты, свет Аллаха засияет в душе верующего. Акт снятия этих вуалей, или смертных грехов, есть «большой джихад». Его завершение открывает путь плодотворной деятельности в мировой политике, а именно очищению общества от упадка, коррупции и тиранических правительств. Исполнение этих и подобных задач входит в «малый джихад»⁶⁷.

В борьбу за политическое лидерство Иран привнес новый аспект – концепцию распространения исламской революции на все мусульманские страны, в особенности те, где существуют большие шиитские общины. Целью революции было объединение мусульманского мира, чтобы покончить с империализмом и сионизмом. Хотя ее «экспорт» должен был осуществляться мирными средствами (распространение «исламской этики», проповеди, воздействие на иностранных улемов и т.д.), Иран оставлял за собой право на защиту от внешних врагов, которое понималось им не только как защита отечества, но и как *защита ислама*. В таком контексте Ирак, например, представлял не только агрессивной региональной державой, имеющей территориальные претензии к Ирану, но и являл миру образец «несправедливого правителя», отошедшего от законов ислама и угнетающего шиитов.⁶⁸

Эти идеологические построения объясняют и действия Ирана в Ливане, также имеющем крупную шиитскую общину. Когда Израиль в 1982 г. ввел туда свои войска, иранцы

---

⁶⁷ Хомейни Р.М. Исламское правление. – Алматы: “Атамур”, 1993. С.57-82.

⁶⁸ В Ираке шиитская община находится в меньшинстве.

ответили посылкой «Стражей исламской революции», которые стали действовать в стране под именем «Хезболла» (Партия Аллаха). С 1982 по 1985 г. она наладила хорошие связи с другой террористической группировкой – «Исламским джихадом», которая начиналась как политическое движение в рамках «Братьев-мусульман». Лидеры «Хезболла» (шейх М. Фадлалла, А. Мусави и Х. Насралла), оказывая финансовую и организационную поддержку ее боевым структурам, постарались публично дистанцироваться от террористических актов, что не только позволило им принимать участие в легальном политическом процессе, но и отвело от Ирана прямое обвинение в терроризме. Именно «Исламскому джихаду» принадлежат такие «новинки» в технологии террора, как создание «зонтичной» организационной структуры, широкомасштабное использование смертников-взрывников (вспомним шиитскую традицию мученичества) и индивидуальные похищения.

Таким образом, начиная с 80-х гг. XX в. ближневосточный терроризм включал в себя несколько разновидностей:

- Атаки смертников и другие операции против израильских и западных сил в Ливане (миротворческие силы были введены туда в 1983 г. по решению ООН);
- Боевые действия различных милиций в Ливане;
- Государственный терроризм Ливии, Сирии, Ирака и Ирана;
- «Самостоятельный» терроризм различных структур, своего рода «свободный террористический полет»;
- Теракты в поддержку палестинского народа;
- Антиизраильские и антизападные теракты в Европе;
- Израильские рейды по ликвидации лиц, подозреваемых в терроризме.

Возможно, в этот ряд стоило бы поставить исламские политические группировки, использующие террор в борьбе за власть в ряде арабских стран. Однако в этом разделе мы не ставили задачу их анализа, ограничившись рамками ближневосточного региона в целом.

*Все эти разновидности терроризма имеют общие черты. Во-первых, многие группы арабского происхождения занимают антиизраильские позиции. Это не означает, что все они обязательно имеют пропалестинский характер, но, по их мнению, существование на арабских землях созданного европейцами неарабского государства оскорбительно. Во-вторых, большинство террористических структур имеют антиимпериалистические, антизападные убеждения. В-третьих, они разделяют панарабские или панисламистские идеи, хотя зачастую действуют только на местной арене. Наконец, во многих организациях большое значение играют родственные связи, как, впрочем, на всем Ближнем Востоке.***Литература**

1. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
  2. Агарышев А.А. Ближний Восток: терроризм и его покровители. М., 1986.
  3. Алиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. М.; 2002.
  4. Иранская революция 1978-1979. Причины и уроки. М., 1989.
  5. Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке / Сост. Арунова М.Р. – М., 2001.
  6. Национализм и «национальный социализм» в арабских странах: теория и практика. М., 1996.
  7. Новейшая история арабских стран Азии: 1917-1985. М., 1988.
  8. Новейшая история арабских стран Африки: 1917-1987. М., 1990.
- Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.

Глава 5.

ЭТНОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

Идеологемы терроризма. Реалии терроризма. Литература.

Идеологиемы терроризма

Перефразируя Э. Геллнера, можно сказать, что этнонационализм – это политический идеология, суть которой состоит в принципе совпадения этнонациональных и государственно-политических единиц. Как справедливо заметил И.П. Чернобровкин, этнонационалистический терроризм «имеет истоки в этнонационализме, но не является его логическим следствием»⁶⁹. Вместе с тем есть смысл задаться вопросом, *что* в этнонационалистической идеологии позволяет использовать себя в качестве идеологического оправдания террора?

- С чисто доктринальной точки зрения этнонационализм отрицает приоритет общечеловеческих ценностей и считает свою этнонацию высшей ценностью. Это не означает, что любой этнонационализм политически агрессивен. В благополучных социально-экономических условиях он может даже приобретать либеральные оттенки. Однако, во-первых, для постсоветских реалий такого рода национализм не типичен. Во-вторых, само выражение «либеральный национализм» абсурдно, так как любой национализм фактически не признает главную идею либерализма: приоритет прав «человека вообще», а не прав «национального человека».
- Подобно другим идеологиям, содержащим в себе идею «борьбы» (классов, рас и т.п.), этнонационалистическая идеология обязательно включает в себя идею борьбы (столкновения, соревнования и т.п.) этносов, политизированных до наций. Формально это облегчает стилизацию этнонационализма до идеологии террора.
- этнонационализм как политическая идеология апеллирует не столько к рассудочным моментам («догматам веры», «философским принципам»),

---

⁶⁹ Чернобровкин И.П. Стратегия профилактики и насильственного подавления этнонационализма на Юге России // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 182.

сколько к иррационально-эстетическому опыту представителей данного этноса, к его символам, переживаниям и т.п.

- Этнонационализм обладает большим мобилизационным потенциалом: вокруг его символов можно относительно быстро собрать массу людей и дать ей определенный политический импульс.
- Этно-националистический «миф в действии» позволяет, искусно манипулируя «образом врага», включить фактор индивидуальной ответственности, заразить массу агрессивными лозунгами и, таким образом, подготовить совершение коллективных преступлений в рамках масштабных актов террора.
- «Привлечение национализма в качестве мощной детерминанты разжигания социально-политического конфликта зачастую позволяет резко увеличить его масштабы и географию, выводя его даже за рамки одного государства путем вовлечения в различных формах зарубежные национальные диаспоры». Это, в частности, значительно облегчает потом этнонационалистам финансирование террористических актов.

Реалии терроризма

Под этнонационалистическим терроризмом здесь имеется в виду «террор снизу», т.е. насилие, которое исходит от политических субъектов, борющихся с официальной властью и использующих в рамках этой борьбы террористические акты. При этом надо четко отличать эти теракты от партизанской борьбы как части военных операций. Этнонационалистический терроризм не столько преследует цель материально ослабить своего противника, сколько достичь максимальный пропагандистско-психологический эффект: запугать власти и гражданское население, внушить им определенные идеи. Спецификой именно этнонационалистического терроризма является то, что он использует теракты для внушения мысли, будто речь идет не о сепаратизме (вооруженной сессии), но о «национально-освободительном движении угнетенного народа» как следствии роста его «национального

самосознания». То «послание», которое призван внушить этнонационалистический террор, звучит примерно так: наша борьба безусловна, она будет длиться до тех пор, пока мы не получим полную независимость. Реально-политически эта «полная независимость» может, однако, получить очень широкое толкование в устах террористов, выступающих первоначально под лозунгами независимости своего народа (этноса), – вплоть до мессиански-агрессивного стремления основать суперэтнические государственные образования (так называемый «исламский национализм», примером которого может служить идея единого чечено-дагестанского исламского государства). И здесь весьма часто оказывается (по крайней мере, на Юге России), что этнонационалистический терроризм не ограничивается чисто националистической риторикой. Скорее, он есть политический продукт этноконфессиональных синкретизмов или «религиозно-националистическо-криминальных мутантов», как весьма точно выразился И.П.Добаев. Он справедливо, на наш взгляд, подчеркивает, что «история религии свидетельствует, что не этнонациональные отношения приспособляются к религиозной системе, напротив, последняя приспособлялась к ним»⁷⁰. Типичными примерами такого рода синкретизмов являются пантюркизм или панарабизм, т.е. идеологии, в которых этнонационализм получает мощную подпитку религиозным мессианством. На Северном Кавказе политически наиболее активным «этноконфессиональным мутантом» является радикальный национализм, сопряженный с ваххабистскими идеями (чеченские и дагестанские ваххабиты).

Указанная синкретичность этнонационалистических идеологий, представленных ныне на Юге России, представляет собой нечто весьма противоречивое: с одной стороны, эти идеологии привлекают идею «чистого ислама» (ваххабизм), экспортируемую арабскими эмиссарами. Однако, с другой стороны, в результате этого идеологического экспорта

---

⁷⁰ Добаев И. П. Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. С. 15, 25.

образуется своеобразный феномен «северокавказского ваххабизма», специфика которого как раз состоит в переплетении этнонационалистических и фундаменталистских идей. Собственно фундаменталистские идеи, предполагающие приоритет исламской мировой «общины» (или «нации», как иногда более двусмысленно передают термин «умма»), становятся инструментом националистических стратегий или разменной монетой в борьбе разного рода кланов за контроль над секторами регионального бизнеса. (Здесь происходит принципиальная подмена понятий: когда радикальные исламисты говорят об «исламской умме», то в «умме» они хотели бы видеть боевую политическую общность, нацию. Типичным примером этого является учреждение в 1997 году в Грозном чеченско-дагестанской «мусульманской уммы». Тем самым организаторы этого акта хотели заявить о религиозно-политической общности населения Чечни и Дагестана, что выступало бы легитимацией идеи единого чеченско-дагестанского государства. Но исторически и реально-политически «умма» – это не фактическая нация, т.е. не реальная политическая общность, а формально-религиозная общность, которая только в идеологическом воображении выступает как изначально единая политическая сила. Фактически «исламская нация» является еще более фантастическим по своему смыслу понятием, чем, к примеру, «арабская» или «европейская» нация).

Фактически народы Северного Кавказа существенно различны друг от друга в плане соотношения исламистских и националистических составляющих их этнического сознания. (Считается, к примеру, что в последние годы рост исламизации особенно заметен среди карачаевцев, ногайцев, чеченцев и ингушей и менее заметен среди черкесов и адыгейцев). И здесь открывается достаточно большое игровое пространство для федеральных властей. Они должны учиться успешно играть не только на военном поле, но и на идеологическом. Последнее вовсе не исчерпывается «грамотной информационной политикой», нужны еще правильные идеологические стратегии. Известно, что исламский радикализм агрессивен по отношению к традиционному исламу, если тот не противостоит секуляризации и либерализму. Эту агрессивность

необходимо использовать против самого же исламского фундаментализма, представляя его как агрессию против самобытных культур малых этносов. Правда, тот же традиционный ислам, как он представлен на Северном Кавказе, в разной степени секуляризирован и отнюдь не всегда лоялен по отношению к федеральной власти. Да и националистические организации, в идеологии которых ислам играет подчиненную роль, легко могут перейти на сепаратистские и экстремистские позиции в условиях перманентного социально-экономического кризиса. И все же эти силы – возможные союзники в борьбе против радикального ислама, выступающего идеологическим прикрытием террора.

Лучшей профилактикой этнонационалистического терроризма на Северном Кавказе является становление гражданской российской нации, что предполагает целый ряд социально-экономических условий: экономический рост, восстановление социальных гарантий населению, борьбу с тотальной коррупцией властных структур, прогресс гражданского общества, укрепление федеральной вертикали власти и т.д. Однако это – относительно длительный процесс, актуально же главной угрозой социально-политической стабильности в регионе выступает исламский экстремизм, стремящийся нелегитимными средствами объединить народы Кавказа под знаменем «истинного ислама» и вывести их из состава Российской Федерации. В этой ситуации этнонационализм малых народов может быть использован как «меньшее зло» против исламского радикализма, идеология которого простирается за рамки отдельного этноса и носит ярко выраженный мессианский характер. В реально складывающейся этнополитической ситуации на Северном Кавказе местные власти должны действовать по принципу «вначале чеченец (карачаевец, ингуш и т.д.) – потом мусульманин», а не прямо под лозунгом «вначале россиянин – потом мусульманин», так как последняя формула многими отторгается, поскольку российской национальной идентичности, как таковой, еще не существует. В этом случае федеральные власти должны осторожно поддерживать национализм малых народов, как противовес более агрессивной идеологии «ваххабизма». В отношении этнонационализма для федеральных властей разумнее всего

было бы отказаться от принципа «кто не с нами – тот против нас», предпочитая ему лозунг «кто не против нас – тот с нами».

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
2. Чернобровкин И.П. Стратегия профилактики и насильственного подавления этнонационализма на Юге России // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д, 2002.
3. См. об этом: Л. Дробижева. Возможность либерального этнонационализма // Реальность этнических мифов. М. 200.
4. Петрищев В.Е. Роль национализма в воспроизводстве терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.
5. Добаев И. П. Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.

Глава 6. ТЕРРОРИЗМ НА ЮГЕ РОССИИ: ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Источники этнонационалистического терроризма. Политический экстремизм в Чечне. Стратегии подавления терроризма. Формы предупреждения терроризма. Литература.

Источники этнонационалистического терроризма

Образование национальных государств в постсоветском пространстве сопровождается ростом этнонационализма и насильственными конфликтами. На Юге России борьба чеченских сепаратистов стала источником этнонационалистического терроризма (ЭНТ). Актуальность антитеррористического анализа состоит в том, что знание особенностей ЭНТ послужит адекватному контролю насилия и препятствием его

применения на практике. В социальных науках и среди политиков распространена точка зрения о бесперспективности подавления этнонациональных конфликтов силой: поскольку сепаратисты не изменяют ценностным приверженностям по приказу, конфликты регулируются переговорными средствами. Консенсологи не учитывают фазы ЭНТ и потому игнорируют стратегию репрессивной пацификации в отношении этнонационализма.

Все исторические формы терроризма имеют общую черту – устрашающее насилие, и общий принцип – подозрение принимается за доказательство вины. Поэтому терроризм антигуманен, несправедлив. Он также политически бессмысленен из-за произвольности своей идеологии (абсолютизация образа врага и создание воображаемого гармоничного нового общества посредством устрашения псевдооппонента) и неспособности террористов к рефлексии этой произвольности. ЭНТ отличается своими особенностями. Он имеет истоки в этнонационализме, но не является его логическим следствием. Современный этнонационализм – сепаратистское движение этноорганизации, чья идеология содержит требование политического признания этнообщности. ЭНТ означает отказ радикальной части движения от легальной борьбы и представляет собой: а) ряд намеренных коллективных действий прямого физического насилия против населения; б) адресных и непредвиденных извне; в) систематически совершаемых с целью психического воздействия на других людей жертвы физического насилия и дискредитации реакций центральной власти; г) действия, осуществляемые в рамках политической стратегии. ЭНТ возникает при рутинизации конфликта, чередования соглашений и борьбы, когда центральная власть неспособна восстановить иерархические отношения с периферией, а политизированная этногруппа превращается в этносекту и объединяется с военизированными формированиями.

Стратегия подавления – это систематическое пресечение действий политического экстремизма в регионах посредством применения силы федерального государства. Тактика стратегии подавления представляет ситуативный способ противодействия терроризму.

С 90- годов и в настоящее время на Юге России наблюдается тенденция повышения общественной опасности политического экстремизма. Она обусловлена существованием многочисленных экстремистских структур, стремящихся к ослаблению конституционного строя РФ насильственными средствами, а нередко – его вооруженному изменению. С этой тенденцией связано увеличение масштабов ведения экстремистской пропаганды, особенно на националистической и религиозно-фундаменталистской основе. Главным показателем повышения опасности экстремизма для жизни личности, населения региона и Федерации остается расширение практики терроризма. Об этом свидетельствует рост числа зарегистрированных на Юге России преступлений террористического характера. Число зарегистрированных преступлений террористического характера на Юге России ⁷¹

<i>Годы</i>	<i>1997</i>	<i>1998</i>	<i>1999</i>	<i>2000</i>
Количество преступлений	1535	2095	3558	4167

Если в 1997 г. было зарегистрировано 1535 террористических преступлений, то в 2000 г. – 4167 аналогичных преступлений. Даже неполные данные о совершенных преступлениях подтверждают тенденцию роста общественной опасности терроризма.

Повышенная опасность ЭНТ связана с расширением его географии на территории страны. Этому способствовал главный очаг терроризма, созданный антиконституционными силами в Чеченской Республике при поддержке международно-

---

⁷¹ Сводная таблица составлена по данным ГИЦ МВД РФ в 1997-2000 гг. и охватывает территории субъектов РФ Южного Федерального округа // Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году. Т. 1, М., 2001, с. 320-321.

го терроризма.⁷² Они стремились перенести террористическую деятельность не только на территорию сопредельных субъектов Федерации Юга России, но и центральных регионов, например, террористические акты в Москве в 1999 и 2002 годах.

Для политического экстремизма Юга России характерна устойчивая тенденция слияния экстремизма с организованной преступностью. Об этом свидетельствует стабилизация уровня преступности в Южном федеральном округе, ежегодно насчитывающая 340 тыс. преступлений.⁷³ Слияние экстремистов с организованной преступностью происходит на основе взаимной заинтересованности. Наиболее стабильный характер данный процесс получил на территориях с затяжными межнациональными конфликтами – Осетии, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии. Преступные группы поддерживают радикальных сепаратистов и религиозных экстремистов для срыва антикриминальных мероприятий властей. Экстремистские организации стремятся к сотрудничеству с организованной преступностью для получения финансовой, материально-технической помощи, участия в криминальном бизнесе.⁷⁴ Усиливает общественную опасность ЭНТ на Юге России рост уровня организации экстремистских структур. У активных и устойчивых по времени экстремистских формирований эта структура дифференцирована. Она включает: системы тылового обеспечения, каналы поступления оружия, финансовых и материально-технических средств изнутри страны и извне; использование современных электронных средств связи; пропаганду экстре-

---

⁷² Международный терроризм как феномен XX века: эволюция форм и этапы борьбы с мировым злом // Закон и право. 1999. № 12, с. 6-13.

⁷³ Состояние преступности в России за 2000 год. ГИЦ МВД РФ // Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году. Т. 1, М., 2001, с. 17-19.

⁷⁴ Фетисов М.Г. В интересах национальной безопасности // Южный федеральный округ. Информационно-аналитический бюллетень. 2001. № 3, с. 26-29.

мистской идеологии для расширения социальной базы организации.

На Юге России росту общественной опасности политического экстремизма способствует сохранение низкого уровня жизни населения в очагах межнационального напряжения. Если средний доход одного россиянина в конце 1998 г. был 900 руб. в месяц, то на Северном Кавказе он колебался от 300 руб. в Ингушетии до 600 руб. в Краснодарском крае.⁷⁵ Массовая безработица, показатели которой самые высокие на Северном Кавказе, побуждает заниматься полулегальным и криминальным бизнесом. За первое полугодие 1999 г. при снижении реальных доходов населения на 24% товарооборот вырос на 8%.⁷⁶ Такой разрыв объясняется вовлечением населения республик в теневую экономику – игорный бизнес, нелегализованное производство водочных и коньячных фальсификаторов, производство нефтепродуктов, торговлю наркотиками, оружием. Расширение теневой экономики означает расширение социальной базы ЭНТ, поскольку он, как и криминальные структуры, заинтересован в нефункциональности правоохранительных институтов.

Таким образом, в 90-е годы на Юге России обозначилась тенденция повышения общественной опасности ЭНТ. Она вызвана многочисленными радикальными структурами, которые стремятся к ослаблению или вооруженному изменению конституционного порядка. Главным показателем тенденции является расширение практики и географии терроризма.

Политический экстремизм в Чечне

Повышение общественной опасности политического экстремизма было вызвано антиконституционным режимом Чечни, соединением экстремизма с организованной преступностью, сохранением очагов межнациональной напряженности. Вследствие роста безработицы и теневой экономики

---

⁷⁵ Косиков И.Г., Косикова Л.С. Северный Кавказ. Социально-экономический справочник. М, 1999, с. 35-36.

⁷⁶ Там же, с. 29.

произошло расширение социальной базы политического экстремизма.

В целях противодействия тенденции повышения общественной опасности политического экстремизма на Юге России федеральные органы власти избрали стратегию его подавления. Главным политическим средством подавления стала военная и антитеррористическая операция в Чечне. Дополнительными средствами подавления политического экстремизма на Юге России были усиление уголовно-правового контроля и контрпропаганды.

Главной экстремистской структурой в Чечне был антиконституционный режим, который возник в 1992 году в результате вооруженного мятежа и насильственного захвата власти сепаратистами под руководством В. Дудаева. Вооруженный сепаратизм был продуктом противостояния между националэкстремистской элитой Чечни и федеральными властями, пытавшимися до 1994 г. и в период 1997-1999 гг. восстановить конституционный порядок в Чечне судебными и переговорными средствами. Чеченский антиконституционный режим дважды оказал вооруженное сопротивление федеральной армии в 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг., пока не был разгромлен. Сегодня его остатки ведут борьбу бандоповстанческими и террористическими методами.

ЭНТ в Чеченской республике Ичкерия сформировался в 90-х годах при рутинизации конфликта сепаратистской организации и федерального центра. ЭНТ был встроен радикальными этнолидерами в чеченское общество и представлял собой систему разнонаправленных актов насилия четырех видов; 1) самопроизвольный ЭНТ (спорадическая депортация иноэтнического, преимущественно русского населения); 2) ЭНТ бандформирований в пограничных районах с Чечней (похищение людей в целях вымогательства денег и другие преступления); 3) организованный ЭНТ политического характера (например, в Буйнакске в 1997 г., Москве, Волгодонске в 1999 г.); 4) официально одобренный чеченским руководством ЭНТ во время военной и антитеррористической операции федерального центра в Чечне в 1999-2000 гг.; 5) компании «промывания мозгов».

К стихийному ЭНТ, который частично предсказуем, чеченское руководство проявляло терпимость. В невоенное время террористические банды находились вне пределов правительственного контроля и рассматривались потенциальным союзником в чеченской военной экспансии на Кавказе. Тайно при внешней поддержке фундаменталистских сил третьих стран велась подготовка профессиональных террористов.

Ошибочно сводить ЭНТ к преследованию инакомыслия. Он принуждает к покорности население, находящееся под его властью, а также самих террористов о чем свидетельствуют фракционные конфликты. Чеченский ЭНТ не довольствовался восхвалением, но желал, чтобы в него верили. Его практика обнаруживала перманентное непонимание реальности. Его идеология не могла быть морально интернализирована, поскольку была лишена способности порождать убеждение в правоте действий. Она лишь поддерживала покорность и лицемерное восхваление ЭНТ. Исходная двусмысленность пропагандистского языка ЭНТ предельно затрудняла понимание смысла террора. Чеченская аудитория пропаганды была вынуждена ориентироваться на текущую ситуацию выживания. Реальность, актуальные социальные условия утрачивали значимость.

В этой ситуации чеченские ультранационалисты создали всеохватывающую систему пособничества ЭНТ, которая поддерживалась угрозой преследования. Этническая экзотика больше не являлась критерием отличия от оппонента сепаратизму. Все пользовались экзотической фразеологией, которая, вследствие отсутствия связи с реальностью, скрывала истинные намерения людей. Единственным критерием показной лояльности к ЭНТ оставалось пособничество. Его формами в Чечне были соучастие в экзекуциях, похищение людей, работоторговля, укрывательство награбленного имущества, хранение оружия, строительство военных укреплений. ЭНТ, чья радикальная идеология требовала высшей эффективности власти, довел чеченский сепаратизм до абсурда. Негативным образом он делал всех членов общества равными перед угрозой преследования и порождал массовый скептицизм.

ЭНТ стал главной причиной безуспешных попыток руководства Ичкерии преодолеть клановый раскол населения и политически консолидировать общество. Оказалось невос требованной модель зарубежного постколониального этнонационализма: приход к власти местной политической элиты, которая после провозглашения национальной независимости применяет силу против криминализованного трибализма (Пакистан, Нигерия, Индонезия, Малайзия, Филиппины). Терроризм в Чечне препятствовал введению легального порядка экономического обмена и кооперации, поскольку в теневой экономики находились финансовые ресурсы насильственных акций. Чеченские кланы сопротивлялись роспуску неармейских вооруженных формирований. Часть из них нашла поддержку у правительственных ваххабистов Ичкерии, преуспевших в создании международного центра террора.

Военная и антитеррористическая операция в Чечне проводилась с использованием тактики физического подавления. Эта тактика имеет несколько разновидностей. Крайняя тактика – это использование федеральных вооруженных сил против политического экстремизма в регионе. Военная операция 1994-1996 гг., проводимая по решению российского руководства в целях восстановления конституционного порядка в Чечне, не достигла политических и военных целей. Она завершилась хасавюртовским соглашением, не препятствующим распространению политического ваххабизма и терроризма на Юге и в других регионах России. О неэффективности тактики физического подавления политического экстремизма в первую чеченскую войну свидетельствует падение доверия населения России к своим вооруженным силам. Если в 1993 г. 53% населения видели в военных вооруженных защитников отечества, мира и жизни граждан, то в 1998 г. – 24%.⁷⁷

Исследователи отмечают две главные причины неэффективности примененной военной тактики 1994-1996 гг. Во-первых, политическая недалковидность российского руководства. Вначале 90-х годов из Чечни были выведены феде-

---

⁷⁷ Серебрянников В.В. Война в зеркале общественного мнения // Власть. 1999. № 2, с. 41.

ральные войска, которые оставили большие запасы оружия и боевой техники, используемые впоследствии против мирного населения преступными структурами и формированиями.⁷⁸ В Южном регионе была утрачена федеральная монополия на легитимное применение силы для сохранения конституционного порядка. Во-вторых, военная причина, состоящая в «безответственности и авантюризме высшего генералитета, проявившихся в подталкивании Б.Н. Ельцина на войну в Чечне 1994 г. без подготовки войск».⁷⁹ Кроме падения престижа армии и руководства Федерации война унесла десятки тысяч жизней мирных жителей, российских военных, разрушила экономическую и социальную инфраструктуру Чечни, но не военный потенциал экстремизма.

Вторичное применение тактики военного подавления главного очага ЭНТ на Юге России было более эффективным. Незаконные вооруженные формирования в Чечне были разгромлены в 1999-2000 гг. за счет укрепления мощи, маневренности и дальнего действия федеральной армии. В 2000 г. в военных делах России наметилась позитивная тенденция. Усилилось внимание власти к армии и флоту, увеличились ассигнования на вооруженные силы, появились надежды на обновление техники и оружия, совершенствования управления армией.

Успеху второй военной операции в Чечне способствовала тактика контрпропаганды, направленная против идеологии политического экстремизма. За короткий период идеология политического экстремизма в Чечне эволюционировала. До середины 90-х годов чеченской идеологии был националэкстремизм, обосновывающий допустимость вооруженной сессии. В.А. Тишков отмечает, что националэкстремизм использовал травму сталинской депортации кавказских народов для пропаганды псевдонаучной мифологии «о свободолюбии

---

⁷⁸ Тишков В.Н. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001, с. 501.

⁷⁹ Серебрянников В.В. Генералы и политика // Формирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г. Т. 1. М., 2001, с. 260.

и невозможности горца без оружия».⁸⁰ В отличие от этнонационализма, целью которого остается моноэтническое государство, националэкстремизм исключает правовые пути достижения интересов этноорганизации.

Во второй половине 90-х годов идеология националэкстремизма трансформировалась в религиозный экстремизм ваххабистского образца. Ваххабизм внутри собственно религиозных отношений проявляет нетерпимость к иной конфессии. Он становится средством вовлечения в террористическую деятельность обедневшей части мусульманского населения.⁸¹ В 1997-1999 гг. в Чечне существовал режим соперничающих вооруженных банд, которые пытались обрести легитимность через обращение к ваххабизму, а материальные средства получить за счет торговли людьми, наркотиками и внешние заказы на террористическую деятельность. Вторжение чеченских бандформирований в Дагестан 1999 г. было актом агрессии и, одновременно, знаком для националистических групп Северного Кавказа новой формы объединения на основе наднациональной идеологии религиозного экстремизма.

В отличие от самопровозглашенной Ичкерии, федеральный центр не имел информационного органа накануне первой военной операции в Чечне. Чеченская пропаганда распространяла стереотип, что «милитаризованный центр погубит ростки демократии в республиках».⁸² Часть крупных российских СМИ оказалось под влиянием этой пропаганды и заняло прочеченскую позицию.⁸³ В 1994-1996 гг. военные меры борьбы с незаконными вооруженными формированиями бы-

---

⁸⁰ Тишков В.Н. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001, с. 45.

⁸¹ Акаев В. Ислам и политика (на материалах современной Чечни) // Ислам и политика на Северном Кавказе. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2001, с. 56-57.

⁸² Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов. М., 1996, с. 92.

⁸³ Овруцкий А.В. Чеченский конфликт: социальные представления об агрессии, образы войны // Насилие в современной России. Ростов-на-Дону, 1999, с. 67.

ли непопулярными в общественном мнении России. Число сторонников стратегии подавления не превышало 10% не только среди титульных этносов, но и русских.⁸⁴

Важной особенностью в освещении ситуации в Чечне стала трансформация позиций различных российских СМИ. Если в первую чеченскую кампании. (1994-1996 гг.) большинство СМИ оправдывало вооруженную сецессию и часто вело репортажи со стороны сепаратистов, то в ходе антитеррористической кампании (1999-2000 гг.) практически все СМИ оправдывали необходимость защиты России от агрессии и угрозы, исходящей от режима Чечни как очага терроризма.

Чрезмерная длительность второй военной операции в Чечне снизила ее эффективность. Аналитик В. Серебрянников видит главную причину этой длительности в низкой оснащенности (25%) новейшими образцами оружия и боевой техники Вооруженных Сил РФ, в сравнении с 70-80% оснащенности западных армий.⁸⁵ Эту точку зрения разделяет командующий СКВО генерал-полковник Г. Трошев: «Техника, которой оснащены части СКВО имеют, к сожалению, двадцатилетний возраст. Статистика такова, что последнее десятилетие войска округа не получали ни одной единицы новых образцов боевой техники, как бронетанковой, так и авиационной».⁶² Армия нуждается в реформе и новой технике. Без этого не будет успешным сдерживание повторных попыток антифедеральных сил к созданию незаконных вооруженных формирований на Юге России.

Стратегии подавления терроризма

Антитеррористическая операция в Чечне еще не завершена. Она направлена на подавление структур терроризма.

---

⁸⁴ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов. М., 1996, с. 88.

⁸⁵ Серебрянников В.В. Генералы и политика // Формирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г. Т. 1. М., 2001, с. 261.

Он представляет собой систематическое политически и преступно мотивированное насилие. Оно применяется в отношении отдельных лиц, групп населения, материальных объектов для устрашения субъектов федерации, жителей и демонстрации неспособности центра контролировать конституционный порядок.⁸⁶

Антитеррористическая операция предусматривает разрушение инфраструктуры терроризма, привлечение террористов к уголовной ответственности или их уничтожение в случае сопротивления.

Разрушение собственности организаций, практикующих терроризм и бандоповстанческую деятельность, применяют специализированные органы МВД России. В Чечне эта тактика стала возможной после разгрома незаконных вооруженных формирований. Она включает занятие или разрушение частных помещений, предназначенных для изготовления, приобретения, хранения или передачи оружия и снаряжения, взрывных устройств и веществ. Разрушению подлежат террористические базы, помещения для удержания заложников и пленных. Могут быть конфискованы земельные участки, используемые для незаконного производства наркотических средств. Тактика разрушения применяется в поиске и конфискации нелегального оружия и различной контрабанды – наркотических средств, психотропных, отравляющих, радиоактивных и взрывчатых веществ; вооружения и взрывных устройств; предметов культурного достояния народов Федерации и зарубежных стран. Конфискуются подделки документов, денежных знаков и ценных бумаг, множительная техника, организационная документация и другие вещественные доказательства противоправных акций экстремистских групп и коррумпированных чиновников.

К стратегии подавления ЭНТ относится уголовно-правовой контроль, специализированная деятельность органов го-

---

⁸⁶ Петрищев В.Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право. 1998. № 3, с. 92; Чернобровкин И.П. Этнонационалистический терроризм в Северо-Кавказском регионе // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия (отв. Ред. Ю.Г. Волков). Ростов-на-Дону, 2000, с. 209.

сударства по защите граждан от преступных посягательств. На Юге России некоторые субъекты РФ ввели запреты на создание религиозно-экстремистских организаций, стремящихся заменить светскую республику теократическим государством. В конце 90-х годов власти Ингушетии и Дагестана приняли законы о запрете ваххабистской деятельности.⁸⁷ В 2000 г. в Чеченской республике была отменена шариатская система власти и суда, и новая правительственная администрация совместно с федеральным центром стали восстанавливать светский конституционный порядок. В РФ строгие судебные приговоры выносятся лидерам и активистам экстремистских организаций, совершивших тяжкие уголовные преступления. Требования части общественности об исполнении приговоров к смертной казни (приостановленной в РФ с 1996 г.) сочетается с амнистией рядовых участников незаконных формирований.

К началу 2001 г. большинство жителей Чеченской Республики, устав от войны и многих лет нестабильности поддерживали федеральные силы – тем более, что они демонстрировали реальную мощь.

Отношение жителей Чеченской Республики к сепаратизму⁸⁸

Варианты ответов	Место жительства			Возраст		
	Горы	Пред- горье	Равнина	16-29	30-49	50 и более
Положительно	18	22	12	11	13	20
Отрицательно	67	66	70	69	71	53
Затрудняюсь ответить	15	12	18	20	26	27

⁸⁷ Сампиев И.М. О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму // Ислам и политика на Северном Кавказе (отв. ред. В.В. Черноус). Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2001, с. 79.

⁸⁸ Северо-Осетинский центр ИСПИ РАН // Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году. Т. 1. М., 2001, с. 330.

Большинство жителей Чеченской Республике (69%) мыслят себя гражданами России. Жители предгорья дают наибольший процент сторонников отделения (22%) и они же дают второй минимальный процент затруднившихся ответить (12%). В возрастной структуре минимальна доля сепаратистов в возрасте 30-49 лет. В этой группе преобладают лица со средним специальным и высшим образованием; они осознают губительность разрыва с русской культурой и не желают жить по законам шариата. Для части респондентов (17%) переход чеченского общества к мирной созидательной жизни представляется проблематичным.

В начале 2001 г. контроль терроризма на Юге России и в Чечне был возложен на ФСБ и МВД, что ознаменовало конец военной фазы восстановления конституционного порядка. Второй фазой должны быть разработка конституции республики, формирование исполнительных органов власти и выборы органов законодательной власти. Участвовавшие взрывы и нападения на представителей федеральных сил, а также теракты (Минеральные воды, Ессентуки) показывают, что ресурсы спецслужб недостаточны. Серьезной проблемой остается террор, запугивание местного населения. Террор направлен, в основном, на сотрудничающих с федералами чиновников среднего и низшего звена (руководителей районов, поселков и сел), если федеральные власти не обеспечат их безопасность, они будут вынуждены вступать в тайные отношения с боевиками для получения гарантий своего выживания. Осложняет обстановку террор по отношению немногочисленному русскому населению. Это делает актуальным вопрос о соблюдении прав русского населения Чеченской республики. Возникают проблемы в психологическом состоянии военных: во-первых, часть из них остается восприимчивой к слухам о вероятном штурме Грозного, вследствие чего город время от времени находится на осадном положении; во-вторых, разрядка психологического напряжения отдельных военных проявляется в уголовно наказуемых деяниях.

Формы предупреждения терроризма

В настоящее время на Юге России в целях предупреждения преступлений террористического характера, предотвращения актов терроризма органы внутренних дел, во взаимодействии с другими структурами и общественностью, осуществляют три группы мер: а) общие; б) специальные; в) оперативно-розыскные.⁸⁹ К общим мерам относятся: осуществляемое совместно с сотрудниками милиции и военнослужащими внутренних войск патрулирование улиц, парков и скверов, электропоездов и поездов дальнего следования, объектов метрополитена и иных видов общественного транспорта (автобусов, трамваев, троллейбусов) в целях выявления предметов, веществ, запрещенных к перемещению, подозрительных лиц, появляющихся у военных, государственных объектов и объектов жизнеобеспечения; досмотр работниками ГИБДД, а также иными нарядами милиции, участвующими в профилактических мероприятиях, автотранспортных средств, водителей и пассажиров на дорогах, автостоянках, площадках, тротуарах, возле жилых зданий, государственных учреждений, предприятия, организаций, особо важных объектов; организация служебного досмотра охраняемых территорий и помещений работниками частных охранных структур; пограничный и таможенный контроль пассажиров, багажа, ручной клади, личный досмотр; проверка жилых помещений и правомерности проживания граждан, пустующих квартир, чердаков и подвалов, помещений, сдаваемых в наем; организация участковыми инспекторами милиции совместно с жилищными органами в жилом секторе городов и населенных пунктов, дежурств населения, народных дружин, частных охранных предприятий и служб безопасности, автовладельцев, членов клубов собаководства; проведение разъяснительной работы среди жильцов, организация дежурства граждан и контроля за обстановкой возле жилого сектора участковыми инспекторами органов внутренних дел; осуществление сотрудниками лицензионно-разрешительной системы периодических и внезапных проверок объектов разрешительной системы (мест хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых ве-

---

⁸⁹ Сапрунов А.Г. Задачи органов внутренних дел на современном этапе борьбы с терроризмом // Анти-террор. 2002. № 1, с. 6-8.

ществ, предприятий, организаций, изготавливающих и реализующих пиротехнические средства), атомной и энергетической промышленности, жизнеобеспечения и других объектов повышенной опасности; служебный досмотр торговых точек, оптовых рынков и продукции, получаемой партиями, а также хранящейся в боксах, камерах хранения.

Другую группу мер предупреждения преступлений террористического характера составляют специальные комплексные мероприятия (операции).

Широкомасштабные комплексные операции проводятся в крупных городах, регионах, на территориях Российской Федерации, в том числе в Северо-Кавказском регионе. Особенность таких операций заключается в том, что они носят, как правило, продолжительный характер. Кроме основных сил милиции общественной безопасности, в них участвуют сотрудники ОМОН, СОБР, уголовного розыска, БЭП, аппаратов по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, НОН, внутренних войск МВД и др. К подобным операциям относятся: 1. Комплексные мероприятия профилактического характера под условными наименованиями «Арсенал», «Вихрь», «Кольцо», «Динамит», «Трасса», «Антитеррор» и другие. 2. Крупномасштабные мероприятия, например «Вихрь-Антитеррор». 3. Зачистки (оперативно-служебный досмотр и обследование) помещений и территорий вокзалов, аэропортов, парков, стадионов, концертных залов, кинотеатров, ресторанов, кафе и других мест массового скопления людей перед проведением общегосударственных и спортивных мероприятий. 4. Зачистки местности – улиц, дворов, а также квартир, домов, подвалов, канализационных коммуникаций, складов, баз, хранилищ промышленной и сельскохозяйственной продукции, предприятий, энергообъектов и электрооборудования (уличных приборов, щитов) и т.п. 5. Рейды по выявлению фактов несоблюдения правил учета и регистрации граждан и созданию системы «жесткой регистрации» перемещения иногородних граждан.

Важное место в системе профилактики преступлений террористического характера отводится средствам массовой информации. В информации, публикуемой СМИ, заинтересованы не только государственные органы, но и террористы.

Для них крайне важна демонстрация катастрофических результатов террора через СМИ и предъявление через те же СМИ обществу и лидерам мотивов террора и условий его прекращения.

Задачи органов внутренних дел при взаимодействии со средствами массовой информации в подобных ситуациях таковы: способствовать развенчанию террористов как обычных преступников; ограничить предоставление СМИ данных о заложниках (не указывать их количество, национальность, должность, состояние здоровья, родственников и др.); ограничить информацию о тактике проведения специальной операции, а также об успешных или неудачных актах терроризма, чтобы другие террористы не воспользовались этим опытом; установить источники дезинформации, пытающиеся ввести в заблуждение представителей СМИ. Перечисленные задачи решаются не в ущерб свободе прессы, а для того, чтобы СМИ не стали помимо их воли объектом манипуляций, направленных на достижение целей терроризма. Оперативно-розыскные меры предупреждения преступлений террористического характера представляют комплекс агентурно-оперативных и разведывательно-поисковых мероприятия оперативных подразделений органов внутренних дел – аппаратов УР, БЭП, НОН и специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью.

К предупредительным мероприятиям, проводимым этими подразделениями, относится, в частности, выявление лиц, могущих быть причастными к террористической деятельности. Для этого необходимо: проведение анализа имеющейся в распоряжении подразделений криминальной милиции информации в отношении этнических организованных сообществ; проведение разведывательных опросов лиц без определенного места жительства, лиц кавказской национальности, иностранных граждан, проживающих без регистрации, видов на жительство и представляющих оперативный интерес; получение информации в НЦБ Интерпола о въезде в Российскую Федерацию лиц, причастных к международному терроризму; активизировать оперативную работу в этнических ОПС с целью выявления лиц, имеющих связи с экстремистскими движениями; проведение оперативных мероприятий в

религиозных центрах, направляющих молодежь на обучение в другие страны и имеющих связи с террористическими организациями; проведение агетурно-оперативных и поисковых мероприятий в местах проживания и обучения студентов из государств, на территории которых осуществляется подготовка террористов; проведение опросов, оперативных осмотров, ведение скрытого наблюдения за местами концентрации уголовно-преступного элемента, особенно такими, как казино, бары, сауны, кафе, рестораны, вокзалы, рынки, гостиницы, общежития, места отстоя железнодорожного и грузового иногороднего транспорта; проведение комплекса мероприятий по пресечению незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в местах их изготовления, хранения, реализации; проверка лиц, судимых за указанные преступления, на причастность к террористической преступной деятельности; установление источников финансирования; осуществление оперативно-розыскных и таможенных мероприятий приграничных районах России с целью выявления фактов контрабанды оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; выявление организованных преступных структур, образованных на этнической основе и занимающихся торговлей оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами; перекрытие каналов нелегального поступления финансовых средств для обеспечения организованных преступных сообществ террористической направленности, которое включает в себя проверку крупных коммерческих, кредитно-финансовых учреждений и их связей с ОПС; выявление групп, сообществ, действующих в наиболее доходных отраслях экономики, экономических структур, связанных с террористами, наложение арестов на их счета и приостановление их деятельности.

Предупреждение терроризма предполагает проведение мероприятий, направленных на выявление причин и условий, способствующих его совершению, а также лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений террористического характера, и проведение в отношении их профилактических мероприятий.

Предупредительная работа предполагает проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий по организа-

ции оперативного контроля за подозреваемыми в терроризме и лицами, ранее судимыми за аналогичное преступление, с использованием негласных сотрудников, в том числе и кратковременных оперативных контактов, помощи общественности.

Федеральная военная и антитеррористическая операция в Чечне прервала тенденцию повышения общественной угрозы националистического и религиозного экстремизма на Юге России, но не покончила с угрозой терроризма. Исследователи называют две причины ограниченности региональной стратегии подавления: связь местных структур политического экстремизма с международными организациями терроризма и негативные социально-экономические процессы в регионе, способствующие сохранению социальной базы экстремизма.⁹⁰ Участие России вместе с мировым сообществом в борьбе с международным терроризмом служит в перспективе ослаблению угрозы терроризма на Юге России.

Не меньшее значение в борьбе с политическим экстремизмом имеет решение Южным регионом России адаптационных проблем развития. Юг России занимает ключевое экономико-географическое положение и является стратегически важным для РФ. Как пограничный регион он обеспечивает России выход к государствам Закавказья, Черноморского и Прикаспийского бассейнов для установления стабильных межгосударственных связей, закрепление экономических и стратегических позиций. Юг России находится на пересечении всех видов коммуникаций между странами двух континентов. Его агропромышленный комплекс обеспечивает пятую часть валового сельскохозяйственного производства страны. В регионе находится рекреационный комплекс мирового значения. В тоже время, один из самых богатейших регионов России является дотационным. На Северном Кавказе один из самых высоких показателей уровня безработицы и

---

⁹⁰ Верховский А., Папп А. Политический экстремизм в России. М., 1996, с. 5-6; Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2000, с. 76; Международный терроризм как феномен XX века: эволюция форм и этапы борьбы с мировым злом // Закон и право. 1999. № 12, с. 7.

наибольшее количество беженцев и переселенцев. Активизация хозяйственного комплекса, выравнивание социально-экономического развития субъектов РФ на Юге России, создание новых рабочих мест необходимо не только для повышения уровня жизни населения. Устойчивая, сбалансированная и социально-ориентированное развитие Юга России необходимо для снижения общественной угрозы политического экстремизма.

Итак, в 90-е годы на Юге России обозначилась тенденция повышения общественной опасности экстремизма многочисленных радикальных структур, стремящихся к ослаблению или вооруженному изменению конституционного порядка. Основным показателем тенденции является расширение практики и географии терроризма. Повышение общественной опасности экстремизма было вызвано антиконституционным режимом Чечни, соединением национал- и религиозно-экстремистских групп с организованной преступностью, сохранением очагов межнациональной напряженности на Северном Кавказе. Вследствие роста безработицы и теневой экономике произошло расширение социальной базы политического экстремизма. В целях противодействия повышению общественной опасности политического экстремизма на Юге России федеральная власть применила стратегию его подавления. Главными тактическими средствами стали военная и антитеррористическая операция в Чечне, а также усиление уголовно-правового и контрпропаганды. В ходе военной операции в Чечне 1999-2000 гг. были разгромлены незаконные вооруженные формирования, базы терроризма, отменена шариатская система власти и суда. Новая правительственная администрация совместно с федеральным центром стали восстанавливать светский конституционный порядок, правоохранительную систему, местные органы управления. В Чеченской республике началось восстановление экономической и бытовой инфраструктуры для возвращения беженцев.

В 2001 г. по данным социологических исследований большинство жителей Чеченской Республики (69%) считали себя гражданами России. В возрастной группе 39-40 лет минимальная доля сепаратистов (13%) и большинство сторонников конституционного порядка, соответствующего Консти-

туции РФ (71%). В этой возрастной группе преобладают лица со средним специальным и высшим образованием, которые осознают губительность разрыва с русской культурой и чаще не желают жить по законам шариата. Для части респондентов (всего 17%), в том числе молодежи (20%) и лиц старше 50 лет (27%) переход чеченского общества к мирной созидательной жизни представляется проблематичным. Федеральная военная и антитеррористическая операция в Чечне прервала тенденцию повышения угрозы политического экстремизма, но не покончила с терроризмом, который поддерживается извне. Участие России вместе с мировым сообществом в борьбе с международным терроризмом служит в перспективе ослаблению угрозы терроризма на Юге России. Этой же задачи будет способствовать устойчивое, сбалансированное и социально ориентированное развитие Юга России.

Литература

1. Акаев В.Х. Ислам и политика (на материалах современной Чечни) // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.
2. Барабанов П.П. Государственная политика борьбы с терроризмом: региональные аспекты и проблемы правового обеспечения // Анти – террор. Ставрополь, 2002. № 1.
3. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.
4. Ксенофобия на Юге России: сепаратистские конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д, 2002.
5. Куликов А.С. Глобализация и новые вызовы безопасности в связи с преступлениями и терроризмом // Анти – террор. Ставрополь, 2002. № 1.
6. Насилие в современной России. Материалы научной и практической конференции. Ростов н/Д, 1999.
7. Тишков В.А. общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.
8. Чернобровкин И.П. Этноциональный терроризм в Северо-Кавказском регионе // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Ростов н/Д, 2000.

ОТЗЫВ

Учебное пособие посвящено актуальным проблемам национальной безопасности и терроризма. В нем систематизирован обширный материал теоретического и эмпирического характера, удачно подобраны примеры из реальной политической жизни. На большом фактическом материале, используя современные политические теории, авторы показывают сущность и формы современного терроризма, дают его типологию, показывают истоки терроризма на Ближнем Востоке, выявляют особенности этнонационального терроризма, в том числе и на Юге России

В целом содержание учебного пособия соответствует нормам современного политологического знания и может быть рекомендовано студентам, обучающимся по специальностям «Политология»

Заведующий кафедрой сравнительной
политологии МГИМО (У) РФ,
доктор исторических наук, профессор

А.Г. ВОЛОДИНО ГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1.	
БЕЗОПАСНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	8
Современное понятие безопасности	8
Национальный интерес и национальная безопасность	12
Внешнеполитические аспекты национальной и региональной безопасности	17
Внутренние аспекты региональной безопасности	20

Литература.....	36
Глава 2.	
Сущность терроризма	37
Террология.....	37
Терроризм в историческом контексте.....	40
Ситуация вооруженного конфликта.....	42
СМИ и терминология	43
Уголовная преступность и терроризм.....	44
Религиозная доминанта	45
Специфические формы терроризма	45
Определения терроризма.....	46
Типологии терроризма	55
Литература	63
Глава 3.	
ТИПОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ).....	65
Терроризм в Италии и Испании	65
Традиционалистский терроризм.....	67
Ультраправый терроризм	73
Ультралевый терроризм	78
Националистический терроризм	82
Литература.....	87
Глава 4.	
Истоки ближневосточного терроризма	88
Ситуация на Ближнем Востоке.....	88
Палестинский вопрос.....	92
Межарабские противоречия.....	95
Революционный Иран и «экспорт исламской революции»	107
Литература.....	115
Глава 5.	
Этнонационалистический терроризм.....	116
Идеологемы терроризма.....	116
Реалии терроризма	117
Литература.....	121

Глава 6.	
Терроризм на Юге России:	
этнонациональный аспект	122
Источники этнонационалистического терроризма	122
Политический экстремизм в Чечне	126
Стратегии подавления терроризма	132
Возраст	134
Формы предупреждения терроризма	136
Литература	142
ОТЗЫВ	144
Оглавление.....	145

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА

Сдано в набор 25.11.2002 г. Подписано в печать 29.11.2002 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл.п.л. 6,5. Уч.-изд.л. 7,1. Тираж 500 экз. Заказ № 375.

Отпечатано ООО «АНТ»
344018, г.Ростов-на-Дону, пер. Островского, 153